

САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКИЙ ЮРИДИЧЕСКИЙ ИНСТИТУТ (ФИЛИАЛ)
АКАДЕМИИ ГЕНЕРАЛЬНОЙ ПРОКУРАТУРЫ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Д. А. БЕЗБОРОДОВ

**СОУЧАСТИЕ В ПРЕСТУПЛЕНИИ:
ПОНЯТИЕ, ПРИЗНАКИ
И ЮРИДИЧЕСКАЯ ПРИРОДА**

Учебное пособие

Санкт-Петербург
2014

САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКИЙ ЮРИДИЧЕСКИЙ ИНСТИТУТ (ФИЛИАЛ)
АКАДЕМИИ ГЕНЕРАЛЬНОЙ ПРОКУРАТУРЫ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Д. А. БЕЗБОРОДОВ

СОУЧАСТИЕ В ПРЕСТУПЛЕНИИ:
ПОНЯТИЕ, ПРИЗНАКИ
И ЮРИДИЧЕСКАЯ ПРИРОДА

Учебное пособие

Санкт-Петербург
2014

УДК 343.237(075)
ББК 67.408я73
Б39

Рецензенты

А. В. ЗАРУБИН, доцент кафедры правовой подготовки сотрудников ОВД Тюменского института повышения квалификации сотрудников МВД России, кандидат юридических наук, доцент.

В. Н. САФОНОВ, доцент кафедры уголовного права Северо-Западного филиала Российской академии правосудия, кандидат юридических наук, доцент.

Безбородов, Д. А.

Б39 Соучастие в преступлении: понятие, признаки и юридическая природа : учебное пособие / Д. А. Безбородов. — Санкт-Петербург : Санкт-Петербургский юридический институт (филиал) Академии Генеральной прокуратуры Российской Федерации, 2014. — 88 с.

В пособии разъясняется понятие «соучастие в преступлении», рассматриваются объективные и субъективные признаки, особенности квалификации преступлений, совершенных в соучастии, а также основания и пределы ответственности за совершение преступления в соучастии.

Пособие предназначено для использования в учебном процессе подготовки, профессиональной переподготовки и повышения квалификации прокурорских кадров.

УДК 343.237(075)
ББК 67.408я73

© Санкт-Петербургский
юридический институт (филиал)
Академии Генеральной прокуратуры
Российской Федерации, 2014

ВВЕДЕНИЕ

Обширные статистические исследования свидетельствуют не только о том, что преступность как социальное явление в последнее десятилетие имеет устойчивую тенденцию роста, но и о совершенствовании форм и методов преступной деятельности. Особую тревогу вызывает рост групповых преступлений. Распространенность общественно опасных деяний, которые совершаются объединенными усилиями нескольких лиц, а также сложность применения норм, касающихся института соучастия, обуславливают появление ошибок при квалификации подобного рода деяний. Во многих случаях соучастие значительно повышает общественную опасность совершаемого преступления. В результате совершения преступления несколькими лицами укрепляется решимость на участие каждого из них в преступлении, совместные действия, как правило, причиняют более тяжкий вред, в конфликт с законом включается большое количество лиц.

Все это заставляет уделять повышенное внимание изучению данного института Общей части уголовного права.

Соучастие — весьма распространенная форма совместной преступной деятельности и имеет достаточно глубокие корни в истории отечественного права. Ведя свое начало со времен зарождения феодальных отношений Киевской Руси, понятие соучастия претерпевает существенные изменения, отражая основные этапы развития российского уголовного права. Исторический анализ постановлений о соучастии свидетельствует о непрерывном развитии этого института в сторону все более детальной регламентации, тщательной дифференциации видов соучастников, а также усиления индивидуальной ответственности. Необходимость разработки института соучастия в преступлении, прежде всего, обосновывается сложностью уголовно-правовой оценки деятельности лиц, которые сами непосредственно преступления не совершали, однако в разнообразных формах оказывали содействие в его совершении. В уголовном законодательстве разрешение подобной проблемы достигается путем определения видов соучастников, характера и степени совместности их действий, а также дифференциации их ответственности.

1. ПОНЯТИЕ И СУЩНОСТЬ СОУЧАСТИЯ В ПРЕСТУПЛЕНИИ

Явления представляют собой внешнюю определенность вещей и процессов. Это отправной момент познания сущности. Явление выражает собой проявление сущности. Всякое явление характеризуется не просто внешней определенностью, а конкретными свойствами, признаками, присущими только ему. Поскольку сущность является, постольку внешнее проявление сущности и есть явление. Явление всегда конкретная, реально существующая вещь (событие, процесс), с восприятия которой начинается ее познание. В этом значении понятие «явление» употребляется для обозначения объекта в его целостности, в единстве всех его сторон¹.

В ряду всех правовых явлений имеется система объектов, существование которых предопределено специальными уголовно-правовыми нормами и институтами. Признаки и свойства таких явлений или закреплены в нормах уголовного права, или вытекают из них, определяются ими. Эти явления объединяются термином «уголовно-правовое явление», который обозначает образования, связанные с уголовным правом, помимо него не существующие и составляющие в своей совокупности правовую реальность. Уголовно-правовые явления несут на себе те или иные черты и свойства уголовного права, оказываются формами его выражения и действия. Уголовное право располагает большим количеством такого рода явлений, которые в своей совокупности дают нам целостное представление о той или иной сфере правовой действительности. К наиболее важным для всего уголовного права и наиболее общим, помимо прочих (преступление, уголовная ответственность и наказание), относится соучастие в преступлении. Анализ этого явления в качестве своей основной цели предполагает выяснение его сущности. Уяснение же сущности соучастия требует его рассмотрения как социального и уголовно-правового явления.

Исходными тезисами при рассмотрении соучастия в преступлении как социального явления выступают следующие положения. Социальные условия жизнедеятельности человека представляют собой определенный порядок функционирования: а) человека как биологической единицы; б) различных общественных формирований; в) различных институтов государства. Они обеспечиваются и реализуются как объективными условиями существования и функционирования общества, так и целеустремлен-

¹ Кириллов В. И. Логика познания сущности. М., 1980. С. 25.

ностью людей, выражаемой их поведением и деятельностью. Говоря о том, что деятельность человека социальна, мы можем охарактеризовать эту социальность не только через содержание различных видов деятельности и через особенности человеческого взаимодействия с предметами, но и через форму организации деятельности — совместность. Совместность деятельности является важнейшей характеристикой человеческой деятельности. Именно в совместности с наибольшей полнотой и четкостью обнаруживается социальный смысл деятельности человека, характер и сущность влияния общества и его отдельных членов на формирование личности конкретного человека.

Определенное влияние на условия функционирования общества оказывают преступления, совершенные как единолично, так и совокупными действиями нескольких лиц. В этом смысле о соучастии в преступлении можно говорить как о социальном явлении. Как социальное явление соучастие, таким образом, находит отражение в следующих моментах.

Во-первых, оно проявляется в определенном поведении людей, а также в специфике их деятельности. В связи с этим в уголовном праве выделяют такие понятия, как «соучастие», «совместное преступное деяние» и «совместная преступная деятельность».

Во-вторых, соучастие в преступлении производит изменения в социальной действительности. С точки зрения общественных интересов это, без сомнения, отрицательные последствия. Их, как представляется, следует рассматривать как первичное последствие совместного совершения преступления.

В-третьих, соучастие в преступлении даже как единичное социальное явление в сочетании с другими преступлениями содержит в себе угрозу качественного изменения условий безопасного существования общества. В этом состоит его вторичное последствие.

В основе любого деяния, в том числе совершенного совместными усилиями нескольких лиц, лежит система движений и предметных действий, объединенных в единый комплекс, необходимый для воздействия на объект уголовно-правовой охраны. Однако деяние не сводится только к внешним движениям и действиям. Это так называемая внешняя форма специфического поведения, которая основывается на внутренней психической деятельности, определяемой виной, мотивами и целями его участников². Таким образом, преступное деяние складывается из двух

² Леонтьев А. Л. Деятельность. Сознание. Личность. М., 1975. С. 94.

составляющих: внутренней (потребности, мотив, цель) и внешне-го поведения (система поступков).

Соучастие в преступлении является одним из видов преобразовательной человеческой деятельности, поскольку, совместно совершая преступление, участники посягательства производят в конкретном объекте уголовно-правовой охраны определенные изменения или создают своими действиями (бездействием) предпосылки для изменений такого рода. Эти изменения, безусловно, носят деструктивный характер и в социальном плане отрицательно сказываются на функционировании человека, общества или государства. Это вызывает необходимость уголовно-правовой борьбы с подобными общественно опасными проявлениями.

Соучастие в преступлении, имея социальную природу и истекая из социальных условий жизни общества, закрепляется и определяется нормами права и выступает в качестве особого уголовно-правового явления.

Эта двоякая природа соучастия позволяет говорить о нем как о социально-правовом явлении, которое нуждается в полной и исчерпывающей характеристике, включающей, прежде всего, общее определение данного явления. Поэтому в процессе исследования фактов совместного совершения преступления необходимо на основе эмпирических знаний, представлений образовать абстрактное понятие, в котором должно быть отражено существенное, главное, основное, характерное для этой действительности³. Основные требования, относящиеся к данному определению, должны сводиться к следующим моментам.

1. Понятие должно быть инвариантным для различных направлений уголовно-правовых исследований фактов совместного совершения преступления (ответственность соучастников, ответственность за неосторожное сопричинение преступного результата, уголовно-правовая оценка совершения преступления с лицами, не подлежащими уголовной ответственности, и т. д.).

2. Понятие соучастия в преступлении как специфического уголовно-правового явления должно включать систему соподчиненных определений, которая и будет задавать направления для

³ Отмечая значение юридических определений, А. А. Пионтковский писал: «В юридических науках определения играют большую роль, чем в каких-либо других науках. От характера определений соответствующих юридических понятий, юридических институтов, правоотношений и их элементов зависит качество разработки всей данной отрасли юридической науки. От этого в сильной степени зависит и процесс применения действующих правовых норм на практике» (Пионтковский А. А. К методологии изучения действующего права // Ученые записки ВИЮН. Вып. 4. М., 1946. С. 36).

последующего составления системного представления о данном явлении (признаки соучастия, его формы и виды и т. д.).

3. Понятие соучастия в преступлении должно позволять соотносить данное уголовно-правовое явление с тем, что им не является (например, совпадение действия, прикосновенность к преступлению, совершение преступления с лицами при отсутствии взаимной осведомленности о характере деяний друг друга и т. д.), выделять специфические черты, которые характеризуют его как определенную целостность.

Данные обстоятельства в целом были учтены законодателем при конструировании общего понятия соучастия, предусмотренного ст. 32 Уголовного кодекса Российской Федерации (УК РФ), где соучастием признается умышленное совместное участие двух или более лиц в совершении умышленного преступления.

Соучастие в преступлении как одно из основополагающих явлений уголовного права характеризуется целым рядом существенных свойств (признаков). Определение его в этой связи должно заключаться в указании на признаки того поведения, которое в конечном счете признается соучастием в преступлении. Тщательная разработка понятия соучастия, состоящая в обобщении этих свойств и их систематизации, имеет важное теоретическое и практическое значение. От того, какой смысл будет вкладываться в данное понятие, какими будут его составляющие, зависит выбор уголовно-правовых мер для предупреждения преступлений, совершаемых объединенными усилиями нескольких лиц.

Поэтому только путем самостоятельного анализа каждого признака соучастия в преступлении может быть получена более или менее полная картина, необходимая для правильной уголовно-правовой оценки фактов совместного совершения преступления. И именно на этой основе должно осуществляться изучение отдельных признаков этого правового явления, которые в своей совокупности позволяют более полно раскрыть его сущность.

Изучение соучастия в преступлении как уголовно-правового явления предполагает выделение каждого его признака в отдельности. Стоит отметить, что определение каждого отдельного признака соучастия хотя и дает общее представление о данном явлении, но еще не обнаруживает его сущности, внутренних связей с другими уголовно-правовыми явлениями (например, с категориями «преступление», «ответственность», «наказание»), закономерности развития. Действительно, всякая часть, будучи внешне обособленной характеристикой конкретного уголовно-правового явления, входит в состав целого и выполняет в нем определенную

функциональную роль, но эта часть органически связана и взаимодействует с другими частями данного целого. Поэтому целое не является простым результатом сложения своих частей, а представляет собой своеобразную связь этих частей, их взаимообусловленность и взаимозависимость. Целое, как справедливо отметил Д. А. Керимов, «не сводится к свойствам своих частей, а приобретает особые свойства, качества, специфические характеристики, которые вытекают из переплетения, взаимовлияния и т. п. частей целого, обуславливаются определенным положением (местом) и ролью каждой части в системе целого»⁴.

Таким образом, и соучастие в преступлении не сводится к механической сумме своих частей (признаков). Однако искусственное расчленение целого и анализ его составных частей являются необходимым этапом в изучении данного уголовно-правового явления, поскольку на основе этого проявляются отношения между различными частями, намечаются их связи с другими явлениями. Все это дает представление о совместном совершении преступного деяния как о целом. Полное структурное определение признаков соучастия в преступлении позволяет подойти к постановке вопроса о причинах возникновения и развития этого института, а также о его назначении и роли в регулировании общественных отношений, эффективности его действия. На различных исторических этапах формирования института соучастия в преступлении вполне возможно обнаружить множество общих свойств и связей, которые в своей совокупности лишь фиксируют общность определенных моментов, описывают их. Но такого рода констатация не вскрывает сущности, закономерности их развития, поскольку общее в правовых системах различных исторических типов не всегда является их существенным признаком, а потому не всегда должно определяться и в качестве основополагающих признаков конкретных уголовно-правовых явлений.

С другой стороны, следует отметить, что факты совместного совершения преступления имеют наряду с общими также и особые признаки, обусловленные различными моментами (допустим, особенностями субъектного состава участников или признаками конкретного преступления, совершенного совместными усилиями). Поэтому знание об этих явлениях окажется отвлеченным, если давать им характеристику лишь общими признаками и игнорировать те существенные специфические признаки, которыми эти формы совместного преступного деяния отличаются друг от друга. В этой связи в научных юридических понятиях

⁴ Керимов Д. А. Философские проблемы права. М., 1972. С. 62.

должны находить отражение не только существенные общие признаки конкретных уголовно-правовых явлений, но и те существенные признаки, которые характеризуют их специфическую определенность.

По мере выявления отдельных существенных признаков, черт, свойственных всем фактам совместного совершения преступления, с неизбежностью возникает необходимость объединения всех полученных фактов в единую целостную систему. Это подразумевает воссоздание всех вероятных составляющих соучастия как целого в их объективной взаимосвязи, обусловленности и взаимозависимости. При этом нужно определить основу, объективную закономерность возникновения, существования и вероятного развития этого уголовно-правового явления. М. Горький справедливо отмечал: «Нельзя жарить курицу вместе с перьями, а преклонение перед фактом ведет именно к тому, что у нас смешивают случайность и несущественное с коренным и типическим. Надо научиться выщипывать несущественное оперение факта, надо уметь извлекать из факта смысл»⁵. А для успешного решения этой задачи необходимо изучение сущности соучастия в преступлении. Именно знание сущности соучастия сделает возможным воспроизведение его научно обоснованной правовой модели.

Следовательно, общее понятие соучастия в преступлении может считаться обоснованным лишь тогда, когда оно образуется из понятий его существенных признаков, каждый из которых необходим для раскрытия специфики соучастия, а вместе они достаточны для определения его сущности.

Итак, одной из приоритетных целей изучения фактов совместного совершения преступления является определение его сущности.

Сущность соучастия лежит в плоскости тех основополагающих признаков, которыми это явление характеризуется. Как справедливо писал Гегель, «явление не показывает ничего такого, чего не было бы в сущности и в сущности нет ничего такого, что не являлось бы»⁶. В этой связи сущность соучастия следует видеть в совместности общественно опасного поведения нескольких лиц, поскольку именно совместность выделяет данное многосубъектное преступление в ряду иных общественно опасных деяний. О сущности соучастия в преступлении нельзя судить исходя из характеристики субъектного состава участников посягательства или характеристики вины этих лиц, так как субъектный

⁵ Горький М. О литературе. М., 1937. С. 109.

⁶ Гегель Г. В. Ф. Энциклопедия философских наук. М., 1975. Т. 1. С. 128.

состав и вина не являются отличительными признаками подобного правонарушения. Это реальность, которая лежит не в глубине явления, а на его поверхности и зачастую зависит от усмотрения законодателя.

Сущность данного понятия необходимо рассматривать как условие причинения общественно опасного результата объединенными деяниями нескольких лиц, своеобразную форму совершения преступления. Именно совместность⁷, как показывают многочисленные исследования, касающиеся вопросов уголовно-правовой оценки участия нескольких лиц в одном преступлении, и определяет специфику и закономерности развития данного уголовно-правового явления. Есть совместность поведения нескольких лиц — значит, имеет место особая форма деяния, нет — значит, имеет место единство времени и места совершения преступления, иначе говоря, совпадение деяний (действий или бездействия) нескольких лиц. При совпадении деяний совместного совершения преступления нет, поскольку каждый причиняет вред своими действиями без взаимодействия с другими лицами, у каждого из виновных в такой ситуации свое преступление. Поэтому при совпадении действий, даже в сравнении с неосторожным сопричинением, общественная опасность практически не повышается.

Такой подход представляется перспективным, поскольку дает возможность уяснить, что не всякое стечение нескольких лиц в одном преступлении есть совместное преступное деяние, требующее специальной уголовно-правовой оценки⁸. Именно это свой-

⁷ В качестве сущностных признаков соучастия в преступлении Е. А. Галактионов называет совместность и согласованность (Галактионов Е. А. Соучастие и организованная преступная деятельность: теория и практика : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. СПб., 2002. С. 8, 21). Думается, что выделение признака согласованности в качестве сущностного не вполне обоснованно, поскольку совместность уже включает в себя это свойство как необходимое. Пожалуй, трудно было бы представить себе совместное поведение без согласованности деяний. А. А. Арутюнов применительно к оценке соучастия в преступлении характеризует совместность как «целостное, интегративное свойство соучастия» (Арутюнов А. А. Соучастие в преступлении по уголовному праву Российской Федерации : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2006. С. 15).

⁸ А. П. Жиряев относительно соучастия в преступлении пришел к выводу, что окончательное решение вопроса о сущности соучастия, особенно в науке, не представляется возможным. Следует, однако, отметить, что он, пожалуй, одним из первых в отечественной уголовно-правовой науке, о чем наглядно свидетельствует название его сочинения, не отделяет соучастие от случаев стечения нескольких лиц в одном преступлении. Думается, что это не способствовало упорядочению понятийного аппарата (Жиряев А. П. О стечении нескольких пре-

ство позволяет заключить, что сам преступный результат явился следствием того, что два или более лица действовали совместно в направлении, вызвавшем преступный результат или не предотвратившем его наступление. Непонимание данного обстоятельства порой ведет к довольно курьезным выводам.

Судебно-следственной практике известны случаи, когда двое или более лиц одновременно участвовали в совершении умышленного преступления, однако их действия все же не оценивались как его совместное совершение. О такого рода деятельности писал еще Н. С. Таганцев, утверждая, что она «сопредельна, но не совместна»⁹. Из числа таких случаев могут быть выделены те, для которых характерно совпадение именно преступных действий (бездействия) двух или более лиц.

Подобные формы совпадения деяний нескольких лиц могут быть:

а) выделены из числа других внешне сходных с ними форм по тому основанию, что каждым участником совершено конкретное преступное деяние;

б) отграничены от соучастия в преступлении по признаку отсутствия совместности поведения таких лиц.

Следовательно, понятие «совместность» и категория «соучастие в преступлении» позволяют определить и ограничить круг лиц, принимавших участие в совершении преступления, т. е. участников совместного преступного деяния. А поскольку совместность деяния предполагает общность людей и имеет определенную структуру, то это помогает установить степень участия каждого в совершении преступления, т. е. меру вовлеченности в совместное совершение преступления, а следовательно, и меру ответственности, которая через совместность общественно опасного поведения может быть определена точнее.

При рассмотрении соучастия в преступлении главным образом интерес представляет аспект, связанный с решением совместно действующими людьми задачи по осуществлению той основной функции, по поводу которой они организовались в рамках определенной социальной структуры, т. е. задачи, направленной на совершение преступления (преступлений), что характерно прежде всего для соучастия в преступлении и совершения преступления с использованием уголовно неответственных лиц, либо нереализованной или частично реализованной социально полезной

ступников в одном и том же преступлении. Дерпт, 1850. С. 6).

⁹ Таганцев Н. С. Русское уголовное право : лекции. Часть Общая. М., 1994. Т. 1. С. 329.

или социально нейтральной задачи, что характерно для неосторожного сопричинения.

Совместность противоправного поведения может быть охарактеризована следующим образом.

Во-первых, в сущности соучастия представлена его основная черта, которая, будучи взята отдельно, дает целостную картину рассматриваемого уголовно-правового явления. Если мы говорим, что общественно опасное деяние совершено совместно, то сразу же констатируем наличие и специфической формы преступного поведения — деяния, совершенного объединенными усилиями множества участников. Иные же признаки, способные характеризовать деяние, даже взятые в совокупности, не дают возможности сделать такой вывод. По этой причине нельзя отождествлять с совместным совершением преступления любые варианты поведения сопричастных к одному событию лиц, когда содержательный аспект, а именно сущность данного уголовно-правового явления, подменяется его внешней характеристикой: оценкой того, находится ли поведение лиц в причинной связи с наступившим преступным результатом или нет. Исследование уголовно-правовой литературы наглядно демонстрирует, что понятие «совместное совершение преступления» иногда используется для характеристики любых форм множественности участников одного преступления. При этом совсем не учитывается, что у области совместного совершения преступления есть вполне определенные, четкие границы, обусловленные совместностью поведения участников деяния. Многочисленные же формы стечения нескольких лиц в одном преступлении никакого отношения к совместному совершению преступления не имеют. Типичным примером такого рода поведения может служить, например, обоюдное нарушение правил дорожного движения водителями, повлекшее причинение вреда здоровью: один нарушил скоростной режим, а другой выехал на полосу встречного движения¹⁰. В этом случае есть два самостоятельных преступления, за совершение которых несет ответственность каждый из виновных. Точно так же совместное преступное деяние должно разграничиваться и с фактами, когда одно из лиц, объединенных единством места и времени преступления, выполняет неосторожное преступление, а другое — умышленное. С совместным совершением преступле-

¹⁰ В этой связи спорным представляется предложение об уголовно-правовой оценке подобного рода действий как неосторожного сопричинения (Кудрявцев В. Н., Кузнецова Н. Ф. Квалификация соучастия в преступлении // Советская юстиция. 1962. № 19. С. 15).

ния в форме неосторожного сопричинения преступного результата такие деяния позволяет разграничить именно совместность, которой в данном случае нет. Только совместность является обстоятельством, на основании которого можно провести четкую границу между фактом совместного совершения преступления и фактом стечения нескольких не связанных между собой деяний, каждое из которых выполнено отдельными лицами самостоятельно, однако все эти деяния в силу сложившихся конкретных обстоятельств вызвали одно последствие. Таким образом, не вызывает каких-либо сомнений, что совместность представляет собой важную отличительную черту любой групповой деятельности, в том числе и совершения преступления. Поэтому не случайно феномену совместности действий нескольких лиц посвящено значительное число исследований как в уголовном праве, так и в психологии¹¹.

Во-вторых, именно совместность деяния видоизменяет общественную опасность посягательства в рамках конкретного состава преступления. При оценке общественной опасности через призму совместности посягательства на охраняемые уголовным законом отношения четко проявляется то, что общественная опасность совместно совершаемого преступления заключается в причинении или создании угрозы причинения особого вреда общественным отношениям. Уровень общественной опасности преступлений, совершенных совместно, в отличие от аналогичных, но совершенных единолично, безусловно, выше. Совместность показывает, как общественная опасность зависит от особенностей взаимосвязи между участниками деяния, которая отражает специфику объединенных усилий, посягающих на охраняемые интересы. Это происходит за счет определенного сочетания ее объективных и субъективных признаков. Они либо повышают, либо снижают глубину вреда, причиняемого общественным отношениям. Так, уровень опасности в какой-то степени зависит от того, осознанна инициатива, направленная на причинение вреда общественным отношениям, или же, напротив, охраняемые интересы затронуты в результате неосмотрительности. При осознанном причинении вреда уровень опасности, в свою очередь, зависит от целей деятельности и других свойств совместности. Таким образом, совместность поведения позволяет понять, за счет чего повышается (причем в различном объеме) опасность для нормальных отношений того или иного типично повторяющегося деяния,

¹¹ См., напр.: Донцов А. И. Проблемы групповой сплоченности. М., 1979. 128 с.; Петровский А. В. Личность. Деятельность. Коллектив. М., 1982. 254 с. и др.

выполненного общими усилиями. И последнее, совместность предопределяет особенности методов уголовно-правовой борьбы с формами совместного совершения преступления несколькими лицами (соучастие, неосторожное сопричинение преступного результата, совершение общественно опасного деяния при участии уголовно неответственных лиц) в рамках вполне конкретного типа преступного поведения — совместного преступного деяния. По сути, это вопрос о различном уровне опасности форм совместного (в широком плане) преступления относительно друг друга в границах уровня общественной опасности, необходимого для оценки конкретных поступков людей как преступления, выполненного объединенными усилиями нескольких лиц.

В-третьих, совместность более устойчива к воздействию внешних социально-экономических факторов, определяющих уголовно-правовую политику государства, чем все иные характеристики соучастия. Подход к исследованию и законодательному регулированию соучастия в преступлении порождается и обуславливается общечеловеческим развитием и спецификой каждого общества, его материальными, историческими, национальными, политическими, моральными, культурными и иными условиями жизни и традициями. Эти условия и традиции, в конечном счете, определяют особенности сущности соучастия в преступлении как общественно опасного явления. Если обратиться к определению соучастия в преступлении в его эволюции, то можно увидеть, что понятие соучастия за весь довольно долгий период существования претерпело значительные изменения и в доктрине, и в законодательстве. Неизменным осталось только указание (законодательно закрепленное или подразумеваемое в доктрине) на совместность деяния как главное в этом уголовно-правовом явлении.

Следовательно, без учета указанных выше моментов длительные дискуссии в уголовно-правовой доктрине о том, является ли совместность объективным или субъективным либо объективно-субъективным признаком соучастия в преступлении, не приводят к ее единому пониманию¹². Совместность деяния не просто вы-

¹² Трайнин А. Н. Учение о соучастии. М., 1941. С. 77 ; Тельнов П. Ф. Ответственность за соучастие в преступлении. М., 1974. С. 28 ; Иванов Н. Г. Понятие и формы соучастия в советском уголовном праве : онтологический аспект. Саратов, 1991. С. 62 ; Бурчак Ф. Г. Учение о соучастии по советскому уголовному праву. Киев, 1969. С. 103 ; Гришаев П. И., Кригер Г. А. Соучастие по уголовному праву. М., 1959. С. 17—18 ; Шеслер А. В. Уголовно-правовые средства борьбы с групповой преступностью. Красноярск, 1999. С. 9 ; Григорьев В. А. Соучастие в преступлении по уголовному праву Российской Федерации. Уфа, 1995. С. 9 ; Козлов А. П. Соучастие: традиции и реальность. СПб., 2001. С. 33—34 и др.

ступает признаком соучастия в совершении преступления, она представляет собой его сущность. Совместность как раз является внутренне необходимым, общим и существенным, а также устойчивым свойством, единство и системный характер которого определяет специфику и закономерности развития уголовно-правовой оценки фактов совместного совершения преступления. Об этом косвенно свидетельствуют и исследования, касающиеся вопросов соучастия в преступлении. Так, А. П. Козлов, утверждая, что «совместность не способна самостоятельно, в отрыве от других признаков создать соучастие; оно возникает лишь при наличии совокупности объективных и субъективных признаков»¹³, тем не менее преломляет все признаки соучастия в преступлении именно через нее. Аналогичную позицию можно наблюдать в трудах и других ученых¹⁴.

Понятие «совместность совершения преступления» является уголовно-правовым. Однако при его исследовании и описании, вне всякого сомнения, его необходимо рассматривать с позиций общего смыслового значения и достижений психологической науки. Практически все исследователи, занимавшиеся изучением преступлений, совершенных объединенными усилиями нескольких лиц, придерживаются единого подхода к анализу такого рода деяний. Суть данного подхода заключается в признании совместного совершения преступления не только особой категорией уголовного права — соучастием в преступлении, но и социально-психологическим феноменом. Последнее с неизбежностью обусловило обращение к данным соответствующих отраслей знания. Действительно, существует острая необходимость рассмотрения определения понятия «совместность» с учетом знаний в области философии, социологии, психологии и т. д.

Такое положение вызвано следующими обстоятельствами: а) эти науки имеют, безусловно, больший опыт в изучении совместной деятельности, чем уголовное право; б) в силу этого образовалась возможность использовать отдельные закономерности, выявленные представителями других наук в процессе изучения совместной деятельности, в науке уголовного права.

Этимологически слово «совместный» трактуется В. И. Далем как совмещенный вместе по времени или пространству, по причинной последовательности и т. д.¹⁵ С. И. Ожегов и Н. Ю. Шве-

¹³ Козлов А. П. Соучастие... С. 52.

¹⁴ См., напр.: Курс российского уголовного права. Общая часть / под ред. В. Н. Кудрявцева, А. В. Наумова. М., 2001. С. 338.

¹⁵ Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка : современное

дова совместность определяют как осуществляемый вместе с кем- чем-нибудь, общий¹⁶. В психологии совместность исследуется применительно к деятельности и определяется как «организованная система активности взаимодействующих индивидов, направленная на целесообразное производство, воспроизводство объектов материальной и духовной культуры»¹⁷. В уголовном праве совместность понимается как действие общими усилиями, когда каждый участник своим поведенческим актом вносит вклад в совершение общественно опасного деяния. Совместность деяния, в общих чертах, выражается в том, что каждый из виновных выполняет свою часть единого для всех участников общественно опасного деяния и этим самым в большей или меньшей степени содействует осуществлению преступного намерения остальных виновных.

Очевидность основополагающего значения этого ключевого для уголовно-правовой оценки всех преступлений с множеством участников момента связана с тем, что совместность представляет собой одну из форм коллективного человеческого поведения, под которым понимается система действий нескольких лиц, обусловленная общим и сознательным характером каждого деяния, подчиненная общей цели и единому плану. Эта система основывается на взаимодействии виновных лиц, общем результате деяния и причинной зависимости. В итоге система деяний, образующих в совокупности единое для нескольких участников преступление, придает новые качества такому общественно опасному поведению, образуя целостность, которая складывается из единства и взаимосвязи отдельных составляющих, поведения лиц, участвующих в совершении преступления¹⁸. Совместность выступает как объединяющий фактор, который придает общественно опасному деянию определенную специфику. Она выражается в том, что в различной форме (словесно или при помощи

написание. М., 2001. Т. 4. С. 430.

¹⁶ Ожегов С. И. Словарь русского языка / под ред. Н. Ю. Шведовой. М., 1984. С. 660.

¹⁷ Словарь практического психолога / сост. С. Ю. Головин. Минск, 1997. С. 139. См. также: Андреева Г. М. Социальная психология. М., 1980. С. 133.

¹⁸ Под системой понимается множество элементов, находящихся в отношениях и связях друг с другом, образующих определенную целостность, единство (Советский энциклопедический словарь / гл. ред. А. М. Прохоров. М., 1984. С. 1209). В философии система — это целостная совокупность элементов, в которой все элементы настолько тесно связаны друг с другом, что выступают по отношению к окружающим условиям и другим системам как единое целое (см., напр.: Спиркин А. Г. Философия. М., 2001. С. 272).

конклюдентных действий) и степени интенсивности (случайный или преднамеренный, длительный или кратковременный и т. д.) происходит контакт двух или более человек, который влечет взаимные изменения в их дальнейших действиях (бездействии).

Таким образом, совместность деяния представляет целостную систему взаимодействующих друг друга интеллектуально-физических деяний участников общественно опасного посягательства. В данной характеристике речь идет, прежде всего, не о совокупности разрозненных деяний, определяемой одним составом участников, временем, пространством, как о проявлении связи простого сосуществования, а о довольно сложном явлении — совершении единого для всех общественно опасного деяния. Само понятие «совместность» указывает на то, что виновные во взаимодействии совершают общественно опасное деяние и вместе причиняют определенный общественно опасный результат. Эта взаимосвязь выражается в том, что действия (бездействие) одного участника дополняют деяние другого лица либо создают реальную возможность совершения деяния другим лицом.

Необходимо отметить, что совместность причинения не порождает равенства усилий участников, направленных на достижение результата. По этой причине возникает необходимость в отношении любого из них устанавливать своеобразную меру причинения, а также в ряде случаев степень участия в совершении деяния. При этом следует учитывать, что деяния участников могут качественно различаться, поэтому при квалификации преступления, совершенного совместными усилиями нескольких лиц, требуется установление конкретных функций каждого участника.

Основываясь на указанных положениях, можно сделать вывод о том, что совместность имеет собственные характеристики. Она проявляется в объективных и субъективных признаках, различное сочетание которых позволяет классифицировать факты совместного совершения преступления и которые в своей совокупности образуют ее содержание.

Объективные признаки совместности находят свое проявление: а) во множестве участников посягательства; б) в специфике их взаимодействия; в) в едином объективном результате действий участников; г) в причинной связи между действиями (бездействием) нескольких участников и результатом.

Субъективные признаки совместности проявляются: а) в особом характере вины участников посягательства; б) в специфике субъективной стороны выполняемого состава преступления.

2. ОБЪЕКТИВНЫЕ ПРИЗНАКИ СОУЧАСТИЯ В ПРЕСТУПЛЕНИИ

§ 1. Множественность участников преступления

В качестве первого объективного признака соучастия в преступлении выступает множественность участников посягательства¹⁹. Эта специфическая черта предполагает наличие двух основных составляющих: количественной составляющей — ее суть состоит в минимальной численности участников совместного общественно опасного деяния; качественной составляющей — заключается в соответствии всех участников посягательства определенным признакам — признакам субъекта преступления.

Касаясь первой составляющей (количественной), следует сделать следующие замечания. Прежде всего, стоит отметить, что, конечно же, определение границ численности группы имеет немаловажное значение при характеристике совместного совершения преступления. Дело в том, что количество участников совместного деяния так или иначе влияет на процессы и характеристики их взаимодействия, что может проявляться: а) во влиянии количества участников на механизм совершения преступления; б) во влиянии количества участников на характер их взаимоотношений, т. е. на степень устойчивости группы²⁰. С социально-психологической точки зрения несколько лиц, объединившихся для участия в одном общественно опасном деянии, представляют собой, как правило, малую социальную группу, или микрогруппу, которая характеризуется минимальной количественной границей — два человека²¹. Так, специалист по групповой динамике

¹⁹ На это свойство указывали еще ученые-криминалисты XIX века. Так, А. Ф. Кистяковский отмечал: «Когда преступление совершается двумя или несколькими субъектами, тогда происходит форма преступности, называемая стечением преступников или участием в преступлении» (Кистяковский А. Ф. Элементарный учебник общего уголовного права. Киев, 1875. Т. 1 : Общая часть. С. 190).

²⁰ Достаточно подробный анализ проблем, связанных с размерами группы, предпринят А. В. Петровским (Петровский А. В. Указ. соч. С. 64—82).

²¹ Кузьмин Е. С. Основы социальной психологии. Л., 1967. С. 68 ; Шеслер А. В. Указ. соч. С. 6 ; Прозументов Л. М. Групповая преступность несовершеннолетних и основные направления ее предупреждения. Томск, 2001. С. 44—64 ; Новейший психологический словарь / под общ. ред. В. Б. Шапаря. Ростов н/Д, 2005. С. 99 и др. Менее определенно высказался по этому поводу Э. Гидденс. По его определению, социальная группа «это некоторое число людей, взаимодействующих друг с другом на регулярной основе» (Гидденс Э. Социология. М., 1999. С. 266).

М. Шоу определяет группу как сообщество, состоящее из двух и более взаимодействующих и влияющих друг на друга индивидов²². Поэтому абсолютно обоснованной является позиция законодателя, закрепившего применительно к институту соучастия именно эту нижнюю границу, несмотря на высказанное в литературе иное мнение по данному вопросу²³. Однако справедливости ради следует указать на одно, как представляется, существенное обстоятельство, связанное с определением общественной опасности деяния, совершенного совместными усилиями нескольких лиц. Некоторые психологические исследования эмпирическим путем показали зависимость податливости групповому давлению от величины группы. С ее увеличением до 3—4 человек податливость увеличивается, однако дальнейшее увеличение группы до 10—15 человек влияния не оказывает. Утверждается, в частности, что прибавление третьего лица к паре имеет более существенные последствия, чем увеличение триады до группы, состоящей из 4, 5, 6 и более участников²⁴.

Вторая составляющая множественности участников посягательства (качественная) допускает в некоторых случаях возможность юридического признания факта множества участников при наличии совместного общественно опасного деяния субъектов и уголовно неответственных лиц. Она заслуживает более пристального внимания. Теория уголовного права и правоприменительная практика применительно к соучастию в преступлении исходят из того, что участие в одном и том же преступлении как минимум двух или более лиц предполагает, что каждый должен обладать признаками субъекта, т. е. быть физическим лицом, достичь на момент совершения преступления возраста уголовной ответственности, установленного в законе, и быть вменяемым. Эта же позиция поддержана и законодателем, что абсолютно справедливо.

Однако стоит отметить, что в реальной действительности остается целый пласт общественно опасных деяний, когда имеет место фактическая совместность посягательства, практически никоим образом не учитываемая законодателем и, соответственно, правоприменителями. Речь идет о совершении преступления при участии лиц, не подлежащих уголовной ответственности.

²² Майерс Д. Социальная психология. СПб., 1997. С. 256.

²³ Шепаньский Я. Элементарные понятия социологии. М. 1969. С. 118; Григорьев В. А. Указ. соч. С. 33.

²⁴ Петровский А. В. Указ. соч. С. 67.

Сюда традиционно относят два варианта фактического участия:

а) привлечение к совершению преступления лица, не подлежащего уголовной ответственности, когда годный субъект использует для выполнения объективной стороны конкретного состава лицо, не подлежащее уголовной ответственности;

б) выполнение объективной стороны конкретного состава преступления субъектом при участии уголовно неответственного лица.

При возникновении подобных казусов деяние субъекта преступления в первой ситуации расценивается как посредственное совершение преступления вне зависимости от его функций в совершении преступления. Причем по своим юридическим последствиям данная форма совершения преступления практически не выходит за рамки единолично выполненного деяния. Это нашло законодательное отражение в ч. 2 ст. 33, а также в п. «д» ч. 1 ст. 63 УК РФ. Вторая ситуация однозначного решения до сих пор не имеет.

Предпринимаемые в теории уголовного права попытки разрешить данную проблему удачного завершения, к сожалению, не имели. Эта ситуация должна разрешаться в соответствии с принципом допустимости юридического учета совершения фактически совместного деяния по отношению к годному субъекту преступления вне рамок соучастия в преступлении. Для того чтобы определиться с вероятностью признания совместного совершения общественно опасного деяния субъектами уголовной ответственности с несубъектами уголовно значимым явлением, нуждающимся в специальном регулировании, необходимо, прежде всего, ответить на ряд вопросов. Во-первых, достаточно ли распространенной является такая форма совершения преступления? Во-вторых, влияет ли на общественную опасность совершение деяния группой в социологическом смысле слова? В-третьих, достаточны ли имеющиеся уголовно-правовые средства для обеспечения справедливости репрессивного воздействия?

Отвечая на первый вопрос, следует заметить, что статистические данные исследований, проводившихся в данной области, наглядно свидетельствуют о том, что такие деяния не носят характер прецедента, а являются весьма распространенными и, более того, имеют устойчивую тенденцию роста. По крайней мере, это касается совершения общественно опасных деяний с участием малолетних, на что указывают С. Ф. Милоков²⁵, В. Г. Павлов²⁶

²⁵ Милоков С. Ф. Российское уголовное законодательство: опыт критического анализа. СПб., 2000. С. 76—77.

и Д. В. Савельев²⁷. Однако при всей справедливости высказанных данными авторами положений нужно все же отметить одно интересное обстоятельство. Фиксация возрастного признака участников совместных посягательств в материалах конкретных уголовных дел свидетельствует о значительном преобладании случаев совершения преступлений однородными по данному признаку группами²⁸.

Что касается влияния на общественную опасность совершения общественно опасного деяния группой в социологическом смысле, то здесь надлежит сделать следующие замечания.

Прежде всего, необходимо уточнить, всегда ли совместное совершение преступления повышает его общественную опасность²⁹.

Для ответа на вопрос о влиянии совместности исполнения совершаемого деяния на общественную опасность самого деяния

²⁶ Павлов В. Г. Субъект преступления и уголовная ответственность. СПб., 2000. С. 29—34.

²⁷ Савельев Д. В. Преступная группа: уголовно-правовая интерпретация // Российский юридический журнал. 1999. № 1. С. 97.

²⁸ Это так называемая гомогенность группы (от греч. *homogenes* — однородный).

²⁹ Этот вопрос применительно к соучастию в преступлении до сего времени не нашел единого решения, обуславливая появление в теории уголовного права трех основных точек зрения. Так, М. Д. Шаргородский писал, что соучастие не усиливает и не ослабляет ответственность и вообще оно «не является квалифицирующим или отягчающим обстоятельством» (Шаргородский М. Д. Некоторые вопросы общего учения о соучастии // Правоведение. 1960. № 1. С. 85). П. И. Гришаев и Г. А. Кригер, являясь сторонниками тезиса о том, что соучастие повышает общественную опасность совершенного, в качестве аргументов приводили следующие доводы: 1) объединяются усилия нескольких лиц, что придает деятельности новое качество; 2) наносится более серьезный ущерб общественным отношениям, чем в результате действий одного человека; 3) в конфликт с обществом вступает большее количество лиц, чем при совершении преступлений в одиночку; 4) соучастие делает возможным совершение таких преступлений, которые не могут быть совершены в одиночку; 5) увеличивается возможность сокрытия следов преступления и уклонения от уголовной ответственности (Гришаев П. И., Кригер Г. А. Указ. соч. С. 3). Аналогичную точку зрения можно встретить и у других авторов (см., напр.: Иванов Н. Г. Указ. соч. С. 49 ; Козлов А. П. Соучастие... С. 29 ; Арутюнов А. А. Указ. соч. С. 15 и др.). А. А. Пионтковский считал, что соучастие повышает общественную опасность лишь при «определенных условиях» (Пионтковский А. А. Учение о преступлении. М., 1961. С. 547). Практически аналогичной точки зрения придерживались и другие ученые (Ковалев М. И. Соучастие в преступлении. Свердловск, 1960. Ч. 1. С. 110 ; Курс советского уголовного права / под ред. Н. А. Беляева, М. Д. Шаргородского. Л., 1968. Т. 1. С. 585—586 ; Ременсон А. Л. Исследование о соучастии // Советское государство и право. 1960. № 12. С. 117 и др.).

целесообразно исследовать это явление с использованием знаний психологии, поскольку именно она призвана объяснять модели любых актов человеческого поведения. Действительно, деяние — понятие не только правовое, но и психологическое³⁰. И именно психология, а не какая-либо иная наука изучает поведенческие акты человека, разрабатывает теорию действия. Для права это означает, что без психологии выявление внутренних и внешних особенностей деяния лишается всякого содержания. Правовых деяний как таковых нет. Существует лишь деяние как определенная форма проявления активности человека в социальной действительности. Эта форма может иметь уголовно-правовое значение, а может и не иметь. В первом случае мы называем деяние преступлением, подразумевая при этом его психологическое основание. Поэтому, исследуя вопрос о влиянии совместности поведения на его общественную опасность, необходимо опираться именно на эту основу. Уже в 20—30-е годы XX века изучался тот особый эффект, который возникает в совместной деятельности людей, его позитивное и негативное влияние на личность, при этом подчеркивалось, что этот эффект — эффект взаимодействия людей, свойство целого, а не простой арифметической суммы отдельных индивидов. В 60-е годы прошлого века, когда возобновились социально-психологические исследования в нашей стране, вновь было отмечено, что «степень проявления тех или иных свойств человека в значительной степени зависит от того, действует ли он в условиях относительной изоляции от окружающих или в атмосфере прямого контакта с другими людьми. Находясь в большой массе или даже в небольшой группе людей, человек чувствует, воспринимает, переживает и ведет себя несколько иначе, чем наедине с самим собой»³¹.

Изучая механизм совместного совершения преступления, можно выделить следующие его основные компоненты, позволяющие сделать вывод о повышенной опасности такого рода поведения. Причем основу этих компонент составляет объединение индивидуальных производительных сил взаимодействующих лиц — участников деяния. К такого рода компонентам могут относиться следующие.

Во-первых, при совместном совершении преступления, как правило, происходит сокращение времени на подготовку и совершение деяния. По мнению Н. Г. Иванова, «преступная деятельность совместно действующих лиц более опасна, чем деятельность одного субъекта, поскольку преступный результат до-

³⁰ См., напр.: Словарь практического психолога. С. 133.

³¹ Парыгин Б. Д. Социальная психология как наука. Л., 1967. С. 134.

стигается в первом случае быстрее»³². Действительно, вполне очевидна разница, когда похищаемое из квартиры имущество выносится одним лицом или несколькими, — безусловно, несколько лиц вынесут его быстрее.

Во-вторых, совместность при совершении преступления увеличивает эффект воздействия на потерпевшего, а также на предмет преступления. Повышение общественной опасности происходит в данной ситуации в силу того, что посягательство осуществляется путем непосредственного воздействия на потерпевшего объединенными усилиями нескольких лиц. Такого рода посягательство воспринимается потерпевшим иначе, чем то, которое выполняется единолично, оно более серьезно ущемляет его способности сохранить в неприкосновенности имеющиеся у него социальные возможности (например, право на необходимую оборону). Именно поэтому участие в данном процессе нескольких лиц всегда, при прочих равных условиях, вызывает возрастные общественной опасности по сравнению с аналогичными посягательствами со стороны одного лица. Так, вне всякого сомнения, два лица, совершающие разбой, одним присутствием сильнее и быстрее парализуют желание у потерпевшего к реализации им права на необходимую оборону³³.

В-третьих, при совместном совершении преступления оказывается влияние на сам механизм совершения преступления. Данное положение находит свое подтверждение в том, что по сравнению с деянием, совершенным единолично, участие двух и более лиц опасно тем, что создаются условия для их взаимной как функциональной, так и психической поддержки. Как справедливо было отмечено Л. В. Кондратюком, «несомненно, “вместе” иногда совершается такое, чего мы не стали бы делать в одиночку»³⁴. Практически аналогичное высказывание содержится применительно к несовершеннолетним, и у А. Е. Тараса³⁵. Результаты опросов лиц, не достигших возраста уголовной ответственности,

³² Иванов Н. Г. Указ. соч. С. 52.

³³ На это обстоятельство применительно к квалификации убийства также обращает внимание и А. Н. Попов (Попов А. Н. Убийство, совершенное преступной группой (п. «ж») ч. 2 ст. 105 УК РФ). СПб., 2002. С. 19).

³⁴ Кондратюк Л. В. Антропология преступления (микрокриминология). М., 2001. С. 233. Подобный тезис применительно к соучастию в преступлении был выдвинут еще в начале XX века И. В. Платоновым: «Поступки, совершенные совместно несколькими лицами, являются часто гораздо более порочными, чем можно ожидать от каждого из соучастников в отдельности...» (Платонов И. В. Популярная лекция по уголовному праву. СПб., 1901. С. 74).

³⁵ Тарас А. Е. Педагогическая профилактика правонарушений несовершеннолетних. Минск, 1982. С. 19.

и несовершеннолетних дают основание полагать, что не менее чем четверть из них, совершая преступление в группе, не смогли бы совершить его в одиночку³⁶. Такое происходит обычно тогда, когда группа выполняет роль своеобразного изолятора от внешнего контроля, когда каждый находится вроде бы в поле зрения каждого, но при этом полагает, что все вместе они находятся вне контроля. Особенно это характерно для поведения несовершеннолетних и малолетних. Так, в качестве примера можно привести исследования психологов, наблюдавших за действиями 1352 детей. Группу детей приглашают в дом, предлагают взять по одной шоколадке, исследователи при этом выходят. Как отмечает Д. Майерс, «скрытые наблюдатели установили, что дети в группе были в два с лишним раза склонны схватить еще одну шоколадку, чем те, кто заходил поодиночке»³⁷. Показательным примером, иллюстрирующим данное положение, может служить следующий казус, рассмотренный Санкт-Петербургским городским судом.

Г. был признан виновным в подстрекательстве К-ва и К-са к убийству М., совершенному по предварительному сговору группой лиц. В ночь с 1 на 2 февраля 1995 года в подвале одного из домов собралась группа подростков, в том числе осужденные и потерпевший. После распития спиртных напитков между М. и осужденными возник конфликт, вызванный неправомерными действиями самого потерпевшего. В ходе ссоры К-ов избил М., в результате чего последний потерял сознание. После этого все присутствующие перешли из подвала в парадную того же дома, оставив М. одного. Там осужденный за подстрекательство Г. высказал опасение, что со стороны потерпевшего последует месть, и предложил К-ву и К-су совершить убийство М. Обращаясь к виновным, Г. сказал, что М. «нужно завалить, иначе он со старшим братом будет мстить». С целью склонения К-ва и К-са к совершению убийства Г. устроил голосование и спрашивал согласие каждого с предложенным им решением. На его предложение возражений не последовало. Вооружившись кирпичом, К-ов и К-ис совершили убийство М.³⁸

Влияние на механизм совершения преступления, таким образом, проявляется, прежде всего, в снижении влияния сдерживающих факторов поведения (самоконтроля), совместные действия возбуждают сами по себе, снижая порог ответственности³⁹, и в

³⁶ См., напр.: Правонарушения несовершеннолетних и их предупреждение. Казань, 1983. С. 51 ; Ермаков В. Д., Крюкова Н. И. Несовершеннолетние преступники в России. М., 1999. С. 33.

³⁷ Майерс Д. Указ. соч. С. 371.

³⁸ Архив Санкт-Петербургского городского суда. Уголовное дело № 2-56/96.

³⁹ Стоит отметить, что это вполне характерно и для неосторожных многосубъектных преступлений, когда выполнение надлежащих для недопущения преступного результата действий перекладывается на других лиц, выполняющих смежные или контролирующие функции.

ряде случаев приводят к возрастанию готовности участников посягательства к последующим повторным фактам совершения преступлений. По оценкам специалистов, для совместного поведения характерен феномен «сдвига риска», который заключается в том, что решение, принятое совместно, как правило, оказывается более рискованным. Это означает, что конкретная ситуация чаще оценивается как благоприятная для совершения преступления, избираются более дерзкие способы совершения преступления. Кроме того, результатом такого поведения может являться причинение более тяжкого физического вреда или материального ущерба по сравнению с преступлением, совершенным единолично.

В-четвертых, происходящее в результате совместного посягательства объединение усилий нескольких физических лиц, как правило, приводит к более совершенным с точки зрения результативности формам и методам совершения преступлений. То, что не под силу совершить одному, нескольким сделать гораздо легче и психически, и физически.

Таким образом, группа не только создает определенное «поле» изоляции от внешнего контроля, но и выступает как социальный усилитель и стимулятор индивидуальных установок и мотиваций, и это усиление является латентной функцией группы, поскольку человек идентифицирует себя именно с такой группой, которая бы оправдала его более или менее осознанные ожидания⁴⁰.

Подводя итог, можно констатировать, что эти четыре компонента механизма совместного совершения преступления, сочетаясь различным образом в конкретном случае совместного преступного поведения, делают возможным вывод о повышенной опасности такого деяния практически во всех случаях его проявления. Это означает, что и соучастие в преступлении, и другие формы совместного совершения преступления обладают этим качеством. Поэтому и группа в ее психологическом понимании, реализуясь в совершении конкретного деяния, повышает его общественную опасность. Все указанное выше говорит в пользу возможности законодательной регламентации специальной ответственности за подобного рода деяния для годного субъекта преступления. Вопрос состоит в том, в какой форме она должна осуществляться. Устоявшееся в доктрине понимание соучастия в преступлении абсолютно справедливо исключает возможность рассмотрения таких случаев совершения многосубъектного преступления с одним годным участником с позиций института со-

⁴⁰ Кондратюк Л. В. Указ. соч. С. 234. См. также: Лурия А. Р. Об историческом развитии познавательных процессов : экспериментально-психологическое исследование. М., 1971. С. 149.

участия, однако объективно необходимость урегулирования этой ситуации существует. В арсенале средств уголовного закона существует возможность при назначении наказания учитывать такого рода поведение. Об этом наглядно свидетельствует п. «д» ч. 1 ст. 63 УК РФ. Однако существование этого отягчающего наказание обстоятельства в отрыве от общего подхода к пониманию данного явления, который должен быть реализован в конкретной статье Общей части УК РФ, не может в полной мере обеспечить эффективную уголовно-правовую борьбу с такого рода деяниями. Для того чтобы правоприменитель отчетливо представлял себе его сущность — совместное совершение общественно опасного деяния, а также его специфические уголовно-правовые последствия и вместе с тем отличие от соучастия в преступлении, необходима легализация данного явления в Уголовном кодексе⁴¹.

§ 2. Взаимодействие при совершении преступления

Вторым объективным свойством совместности выступает взаимодействие двух и более лиц в процессе подготовки или совершения деяния. Во многих исследованиях, посвященных вопросам соучастия, это свойство определяется как взаимообусловленность действий. Думается, использование данного термина не совсем отвечает специфике взаимодействия, поскольку практически отождествляет его с другим признаком совместности — причинной связью. Более логичной, на первый взгляд, кажется позиция А. П. Козлова, который определяет этот признак как «функциональную связь»⁴². Однако этот термин также представляется не

⁴¹ О необходимости легализации данного понятия, предлагая назвать его сопричинением, писал С. Ф. Милуков (Милуков С. Ф. Указ. соч. С. 79. Об этом см. также: Галактионов Е. А. Указ. соч. С. 22 ; Савельев Д. Легализовать ответственность за групповой способ совершения преступления // Российская юстиция. 2001. № 12. С. 50 ; Баранков Н. В. Умышленное сопричинение как одна из форм стечения нескольких лиц при совершении одного преступления // Сб. науч. тр. С.-Петербург. акад. права и бизнеса. СПб., 2002. С. 17—19). Р. Р. Галиакбаров неоднократно предлагал в подобных ситуациях квалифицировать содеянное как групповое преступление. Он подчеркивал, что юридическая природа группы в этих случаях не имеет никакого отношения к соучастию в преступлении (см., напр.: Галиакбаров Р. Р. Как квалифицировать убийства и изнасилования, совершенные групповым способом // Российская юстиция. 2000. № 10. С. 40).

⁴² Под ней им понимается «взаимная обусловленность поведения каждого соучастника поведением других соучастников и которая включает в себя, во-первых, отдельные акты поведения отдельных соучастников (законодатель отражает это в термине «участие») и, во-вторых, объединение функций всех со-

вполне корректным, поскольку его общеправовое значение несколько иное, чем то, которое придает ему указанный автор. Увлечение конструированием сугубо уголовно-правовых понятий без учета этого момента едва ли приведет к положительному результату. Конечно, уголовное право обоснованно тяготеет к формальным и прагматичным границам понятий. Довольно часто оно использует условные дифференциации, что облегчает правовой анализ конкретных уголовно-правовых явлений. Но такое тяготение, обусловленное задачами уголовного права, не может быть определяющим, когда оно заимствует естественнонаучные понятия, имеющие объективно заданную систему взаимосвязей. Кроме того, даже если толковать термин «функциональная связь» исключительно как связь по функциям, то все равно он не может отразить со всей полнотой все внутренние особенности, вкладываемые в его содержание самим А. П. Козловым. Именно понятие «взаимодействие», раскрываемое общей и юридической психологией как составляющая совместной деятельности, позволяет охарактеризовать в полном объеме механизм сопричинения преступного результата деяниями нескольких лиц⁴³. Так, Н. Г. Иванов, абсолютно правильно используя при характеристике совместности понятие «взаимодействие», определяет его как «организацию, в какой бы форме она ни была, совместных действий, позволяющих конкретному объединению людей реализовать общую для ее членов деятельность»⁴⁴. Действительно, взаимодействие представляет собой особую систему взаимодополняющих деяний (действий, бездействия), которые связаны между собой и при которых деяние каждого из участников выступает одновременно и стимулом совершения деяния, и реакцией на него других участников общественно опасного посягательства.

Таким образом, под взаимодействием при подготовке или совершении преступления следует понимать такую ситуацию, когда деяние одного участника посягательства в конкретной обстановке является необходимым для выполнения преступления другим участником составным элементом. Невыполнение своих действий кем-либо из участников в конкретной обстановке либо делает

участников благодаря тому, что каждый соучастник выполняет свои функции в интересах других соучастников» (Козлов А. П. Соучастие... С. 34).

⁴³ Так, например, С. Ю. Головин определяет взаимодействие как процесс непосредственного или опосредованного воздействия объектов (субъектов) друг на друга, порождающий их взаимную обусловленность и связь (Словарь практического психолога. С. 139—141). Аналогичное определение дается и другими авторами (см., напр.: Еникеев С. И. Юридическая психология. М., 2000. С. 415).

⁴⁴ Иванов Н. Г. Указ. соч. С. 64.

невозможным совершение преступления, либо существенным образом затрудняет его совершение. Взаимодействие, исходя из вышеизложенного, представляет собой своеобразную систему актов коллективного поведения лиц — участников посягательства, направленных на достижение определенного результата совокупными усилиями. Иначе говоря, оно связано с распределением и объединением функций в процессе подготовки и совершения конкретного преступления (в этом отношении, обозначая данную связь как функциональную, А. П. Козлов абсолютно прав). Взаимодействие заключается в оптимальном сочетании индивидуальных действий (бездействия) конкретных соучастников в условиях совместного совершения преступления и выражается в координации функционально-ролевого поведения каждого из участников деяния. Именно взаимодействие выступает в качестве наиболее эффективного способа достижения преступного результата при наименьших интеллектуальных и физических затратах. Иллюстрацией сказанного может служить дело Д. и О.

На почве личных неприязненных отношений Д. и О. избili гражданина Б., причинив ему вред здоровью средней тяжести. После этого осужденные договорились между собой об убийстве потерпевшего, для чего пытались задушить его шнурком от ботинок, но так как не смогли достичь желаемого результата, положили ему на горло палку и одновременно встали на ее разные концы, причинив Б. несовместимые с жизнью телесные повреждения⁴⁵.

Изложенное означает, что реальные источники и наиболее глубокие механизмы взаимодействия могут быть раскрыты только путем анализа совместного деяния. Решающим условием осуществления совместного деяния и его сущностью — совместностью является своего рода слияние индивидуальных деяний нескольких лиц в единую, общую для всех форму коллективного поведения. Процесс объединения индивидуальных деяний является основанием всех других последующих действий или бездействия нескольких лиц. Он выступает своеобразным механизмом совместного совершения общественно опасного деяния, основным фактором образования целостного совокупного субъекта единого деяния.

Взаимодействие в совместном совершении преступления, таким образом, предполагает наличие двух основных составляющих.

Первая составляющая взаимодействия — это объединение индивидуальных действий участников деяния, их интеграция⁴⁶.

⁴⁵ Определение Военной коллегии Верховного Суда Российской Федерации от 23 мая 2000 г. № 1-038/ 2000.

⁴⁶ Слово «интеграция» происходит от латинских слов «integer» — целый и

В результате такого объединения индивидуальные действия приобретают новое качество, становясь единой «производительной» силой, которая существенно отличается от образующих ее отдельных деяний.

Вторая составляющая предполагает дифференциацию⁴⁷ индивидуальных деяний участников единого общественно опасного посягательства, а также их специализацию и структурную иерархизацию, так как именно они делают возможным достижение цели совместного поведения.

Стоит отметить, что ведущую роль играет именно объединение индивидуальных деяний, поскольку без него было бы невозможно существование совместности общественно опасного деяния и причиняющие действия необходимо было бы рассматривать как единоличное совершение преступления каждым из виновных.

Взаимодействие необходимо, таким образом, рассматривать с точки зрения его внутренней структуры, поскольку именно она лежит в основе данного свойства. В качестве наиболее существенного структурного элемента взаимодействия выступает координация деяний участников. К ней можно отнести упорядочение, комбинирование, суммирование деяний участников общественно опасного посягательства. Причем координация является необходимым фактором реализации целей взаимодействия, иначе говоря, одним из тех моментов совместности деяния, которые непосредственно подготавливают достижение единого преступного результата.

Исходя из вышеизложенного, можно предположить, что взаимодействие участников посягательства включает в себя, во-первых, конкретные действия (бездействие) отдельных участников общественно опасного посягательства, во-вторых, кооперацию поведения участников, благодаря чему каждый из них выполняет свои конкретные действия (бездействие) в общем для всех участников деянии. Следовательно, взаимодействие участ-

«integratio» — восстановление, восполнение и означает объединение в целое каких-либо частей, элементов (Словарь иностранных слов. М., 1989. С. 201).

Эту составляющую выделяет в качестве основной и А. А. Арутюнов (Арутюнов А. А. Указ. соч. С. 15). Однако почему-то он отождествляет взаимодействие с совместностью. Такой подход представляется не вполне обоснованным, поскольку совместность не исчерпывается только этим.

⁴⁷ Это слово происходит от латинского *differentia* — различие. Под дифференциацией понимается разделение, расчленение, расслоение целого на различные части, формы и ступени (Словарь иностранных слов. С. 175).

ников преступного деяния находит свое выражение в том, что каждый из них сообразует свои действия (бездействие) с поведением других участников. Причем особо стоит отметить, что взаимодействие, правда в несколько ограниченном виде, возможно и при совершении деяния с участием уголовно неответственных лиц (невменяемых либо лиц, не достигших возраста уголовной ответственности).

Специфика взаимодействия участников посягательства, как представляется, определяется формой совместности поведения, а также характером и степенью участия в преступлении (особенностями выполнения функций в конкретном деянии и интенсивностью взаимодействия). В целом взаимодействие может находить проявление в следующих моментах.

Во-первых, в конечном результате деяния — общественно опасных последствиях. В этом случае индивидуальные действия (бездействие) осуществляются параллельно и не зависят, как правило, от последовательности деяний виновных, однако приводят к единому преступному результату.

Во-вторых, в самом процессе совершения деяния — выполнении объективной стороны конкретного состава преступления. В этом случае индивидуальные действия (бездействие) каждого из участников взаимообусловлены. Такая взаимообусловленность деяний выражается в их специализации и иерархизации, поскольку они должны выполняться или одновременно как функционально различные компоненты единого общего деяния (не только общественно опасного), или в строгой последовательности, когда последствие одного деяния служит условием начала реализации другого.

Относительно конкретных действий (бездействия) отдельных участников общественно опасного посягательства необходимо прежде всего отметить, что, преломляясь в совместности поведения, они находят свое отражение в таком явлении, как участие. Участвовать в чем-либо — это иметь долю, часть, пай в деле; быть сотрудником, товарищем, помощником в деле; касаться к чему-либо вещественно или нравственно, быть близким⁴⁸. Таким образом, деяния соучастников находятся во взаимосвязи и взаимозависимости и различаются характером и степенью участия в преступлении.

Характер участия в совместном деянии определяется теми реальными функциями, при помощи которых лицо включается в

⁴⁸ Даль В. И. Указ. соч. Т. 4. С. 871.

механизм совершения общественно опасного деяния несколькими участниками. Эти функции проявляются:

а) либо в выполнении полностью или частично объективной стороны состава преступления вместе с другими лицами;

б) либо в различных видах способствования совершению преступления.

Степень участия в преступлении представляет собой показатель интенсивности взаимодействия при совершении преступления.

§ 3. Общий преступный результат

Третьим объективным признаком совместности деяния выступает единый для участников преступный результат. Значимость этого признака для определения деяния как совместно совершенного трудно переоценить. Подобное положение находит объяснение в том, что общественная опасность преступления, основополагающее свойство преступления, повышается за счет взаимодействия нескольких лиц и определяется тем вредом, который причиняется правоохраняемым интересам. Вопрос об общем преступном результате в рамках учения о соучастии довольно хорошо разработан в отечественной уголовно-правовой доктрине, однако судебно-следственная практика иногда демонстрирует некоторую непоследовательность при уголовно-правовой оценке последствий совместно совершенного преступления. Это обусловлено нюансами, связанными, во-первых, с общим пониманием единого преступного результата, во-вторых, с пониманием уголовно значимых границ общности результата деяния для каждого из его участников.

Действительно, участие нескольких лиц в совершении преступления по своему характеру и степени может быть различным. Однако совместность деяния будет иметь место, если преступление совершается общими взаимно дополняемыми усилиями участников посягательства и влечет за собой общий и единый для всех них объективный результат в виде причинения вреда охраняемым уголовным законом интересам. В связи с изложенными выше моментами следует указать на то, что подлинное содержание взаимодействия участников посягательства как раз и проявляется в едином результате деяния, реализованного взаимодействием нескольких лиц. По образному выражению Н. С. Таганцева, характеризовавшего соучастие в преступлении, оно сродни игре в оркестре, где каждый инструмент, каждый музыкант, хотя

и ведет свою партию, но все музыкальное произведение является результатом их общих усилий⁴⁹.

Под результатом понимается следствие чего-либо, последствие, конечный вывод, итог, развязка, исход, конец дела⁵⁰. В уголовном праве термины «преступный результат» и «преступное последствие», как правило, отождествляются⁵¹. Например, А. А. Пионтковский по этому поводу отмечал следующее: «Под преступными результатами (преступными последствиями) следует понимать те предусмотренные уголовным законом изменения в окружающем мире, которые производятся под влиянием действия или бездействия лица и которые принадлежат к объективным признакам состава преступления»⁵². Таким образом, фактически преступный результат представляет собой конечный итог, завершающий развитие общественно опасного деяния, или же то, что непосредственно вытекает из совершенного деяния, иначе говоря, его последствие.

Следует отметить, что устоявшийся в теории отечественного уголовного права и широко применяемый по отношению к характеристике соучастия в преступлении термин «общий преступный результат» четкого определения не имеет. Так, А. П. Козлов, один из немногих раскрывший данное понятие, определяет его следующим образом: «Под общим результатом следует понимать тот социальный феномен, ради которого несколько человек объединяются в нечто целое; в качестве такового может выступать и совершение необходимых для каждого из них и для всех вместе общественно опасных действий (изнасилование, нападение при разбое и т. д.), и причинение того или иного общественно опасного вреда»⁵³. Громоздкое и, по сути, не совсем точное определение, поскольку в нем, как представляется, отождествляются цель (субъективная модель желаемого результата, на достижение которого ориентировано совместное деяние) и собственно результат (объективное последствие совместного деяния). Кроме того, предложенное А. П. Козловым определение отчасти колеблет созданную им концепцию неосторожного соучастия, поскольку неосторожность исключает стремление к преступному результату

⁴⁹ Таганцев Н. С. Указ. соч. С. 331.

⁵⁰ Даль В. И. Указ. соч. Т. 4. С. 147. Практически аналогичное определение этого понятия содержится и в словарях современных авторов (см., напр.: Лопатин В. В. Русский толковый словарь. М., 1997. С. 592 и др.).

⁵¹ См., напр.: Марцев А. И. Диалектика и вопросы теории уголовного права. Красноярск, 1990. С. 52.

⁵² Курс советского уголовного права / под ред. А. А. Пионтковского, П. С. Ромашкина, В. М. Чхиквадзе. М., 1970. Т. 2 : Часть Общая. Преступление. С. 148.

⁵³ Козлов А. П. Соучастие... С. 39—40.

как таковому. Объединение лиц в случаях такого рода, как правило, осуществляется для достижения социально полезного или, по крайней мере, социально нейтрального результата. Конечно, необходимо признать, что исследование единого преступного результата должно включать и изучение отношения этого результата: а) к соответствующей ему идеальной общей цели совместно действующих лиц; б) к самому процессу совершения деяния, направленного на осуществление этой цели. Поэтому кажущийся на первый взгляд сугубо объективным свойством единый преступный результат тесно взаимосвязан с субъективными признаками совместности деяния, тем не менее отождествлять его с ними не следует. Проблема, прежде всего, состоит в том, что довольно часто результатом совместного совершения преступления оказывается совсем не тот результат, который виделся его участникам в их общей цели и для достижения которого они объединялись. Зачастую результатом оказывается не он, а тот, который реально определен совместным деянием, применяемыми при совершении этого деяния средствами и способами. В самом деле, процесс реализации цели достаточно часто имеет и такие последствия, которые никак не входили в намерения соучастников⁵⁴. Они не формулировались как цели их деяния, хотя скрыто сохранились в особенностях самой их деятельности и могли проявиться в ее объективных результатах. В принципе, последствия конкретной деятельности довольно многообразны. Однако они, эти дальнейшие результаты деяния, далеко не всегда очевидны, далеко не все из них учитываются заранее (такое положение характерно, например, для эксцесса соучастников).

Исходя из этого общий преступный результат и не может определяться ничем иным, как самим совместным деянием, последствиями взаимодействия, обеспеченными конкретными средствами — взаимосвязанными действиями или бездействием соучастников. Своеобразие причиняющих преступный результат совокупных действий виновных состоит в том, что отдельные участники деяния могут выполнять в преступлении различные функции, однако при этом совершенное деяние признается общим для них всех, поскольку каждый из них внес свой вклад в это деяние, взаимодействуя с другими лицами. Именно указанное обстоятельство говорит в пользу того, что и последствие совместно совершенного деяния, независимо от той роли, которую отдельные соучастники выполнили в преступлении, для каждого

⁵⁴ Об этом см. подробнее: Трубников Н. Н. О категориях «цель», «средство», «результат». М., 1968. С. 3.

из них является единым. Поэтому лица, различными способами и с различной степенью интенсивности оказывающие содействие преступлению, должны рассматриваться причинителями одного преступного результата. Показателен в этом отношении пример с убийством Юлия Цезаря. Он был поражен двадцатью тремя ударами сенаторов-заговорщиков, и среди стольких ран только одна, по мнению врача Анистия, оказалась смертельной — вторая, нанесенная в грудь⁵⁵. Этот пример позволяет сделать еще одно важное замечание: вполне допустима такая ситуация, когда лицо причиняет при одновременном посягательстве меньший вред по сравнению с преступным результатом, наступившим от действия другого участника преступления.

Данное положение говорит в пользу того, что единый преступный результат не исчерпывается исключительно объективными последствиями, а требует установления определенного психического отношения к ним.

Таким образом, общий преступный результат представляет собой последствие, во-первых, реального взаимодействия нескольких лиц; во-вторых, использования реальных способов осуществления деяния; в-третьих, применения орудий и средств, при помощи которых это деяние осуществлялось. Общий преступный результат выступает в качестве своеобразного показателя эффективности взаимодействия лиц, совместно совершающих преступление. Эффективность взаимодействия — это отношение достигнутого преступного результата к максимально достижимому или заранее запланированному участниками результату. Она может быть определена исходя из двух критериев: количественного — «продуктивность» деяния, которая выражается в объективных изменениях, произошедших вследствие совершения преступления совместными усилиями, и качественного — «удовлетворенность» деянием, которая понимается как психическое состояние, вызванное соотношением определенных целей участников совместного посягательства и их фактического осуществления.

Характеризуя единый преступный результат, следует конкретизировать положение о том, что он выступает в качестве последствия взаимодействия нескольких лиц, участвующих в совершении преступления. Это положение означает, что участники посягательства, совершая взаимно дополняющие действия, способствуют достижению общего для каждого участника объективного преступного результата⁵⁶. Последствие взаимодействия

⁵⁵ Светоний Гай Транквилл. Жизнь двенадцати Цезарей. М., 1964. С. 32.

⁵⁶ Стоит отметить, что как таковая общность преступного результата, конеч-

может, как представляется, складываться из двух этапов: а) первоначальное последствие взаимодействия — сговор на совершение преступления; б) производное последствие взаимодействия — совершение преступления. Причем стоит отметить, что первоначальное последствие взаимодействия в некоторых случаях может влечь за собой уголовную ответственность. Речь может идти, например, об уголовно наказуемом приготовлении к преступлению или о других случаях уголовно наказуемого сговора, специально предусмотренных Особенной частью УК РФ (допустим, ст. 209 УК РФ)⁵⁷. Однако применительно к первой ситуации следует сделать некоторые замечания. Подавляющее большинство отечественных ученых считают, что сговор на совершение преступления не может рассматриваться исходя из правил о соучастии на том основании, что в подобной ситуации отсутствует присущий соучастию количественный признак⁵⁸. Они предлагают руководствоваться правилами о стадиях совершения преступления. По этому же пути идет и судебная практика.

Производное последствие взаимодействия, как уже отмечалось, выражается в совершении конкретного преступления и носит двойственный характер, обусловленный, во-первых, особенностями юридического описания конкретного состава преступления и, во-вторых, стадиями совершения преступления.

Так, если преступные последствия являются необходимым, прямо предусмотренным в законе признаком состава преступления, единым преступным результатом при окончанном преступлении будут выступать именно они. Если преступление не завершено по причинам, не зависящим от воли и сознания виновных лиц, преступный результат будет определяться теми реальными изменениями, которые произошли вследствие их деятельности.

В составах преступлений, в которых результат не обозначен законодателем в качестве обязательного признака, его общность должна определяться конечным моментом взаимодействия виновных. Об этом прямо свидетельствует существующее в уголовно-правовой доктрине и не вызывающее особых нареканий положение об эксцессе. Поэтому возникающие при определении единого преступного результата проблемы должны разрешаться с позиций пределов взаимодействия при подготовке или совершении пре-

но же, не исключает необходимости устанавливать вклад каждого из участников в совместное совершение преступления и в соответствии с этим определять их ответственность.

⁵⁷ Иначе говоря, во всех случаях соучастия особого рода.

⁵⁸ Тельнов П. Ф. Ответственность за соучастие в преступлении. М., 1974. С. 158 ; Трайнин А. Н. Учение о соучастии. С. 126 и др.

ступления — ведь, например, именно эксцесс свидетельствует о том, что единый преступный результат определяется границами взаимодействия при совершении преступления в соучастии.

§ 4. Причинная связь при соучастии

Четвертым объективным признаком совместности деяния выступает причинная связь между деянием каждого участника и наступившим общим преступным результатом. Причинная связь является необходимым свойством совместности участия в преступлении и обязательной предпосылкой ответственности участников за единый преступный результат. В целом теория уголовного права признает, что причинная связь, как внешнее выражение (наряду с преступным результатом) совместности деяния, служит границей, дальше которой уголовная ответственность распространяться не может. Раскрытие этого свойства в совместном совершении преступления тем более важно, что в последнее время появились суждения о том, что связь между деяниями соучастников и наступившим преступным результатом имеет иной характер, чем причинность⁵⁹.

Результат совместного совершения преступления, о чем уже писалось выше, определяется взаимодействием всей совокупности реальных средств и способов, при помощи которых было совершено общественно опасное деяние. Эти средства и способы являются непосредственными причинами результата, так как сам результат есть действие причин — реальных способов и средств. Результат оказывается в таком отношении к средству реализации, которое характерно для действия в причинном отношении вообще. Речь идет о такой ситуации, где причина есть то, что имеет последствие и находит отражение в этом последствии. Действительно, являясь одним из основополагающих свойств совместности, причинная связь проявляется в том, что каждый из взаимодействующих лиц при совершении преступления выступает как причина или условие другой и как следствие одновременного обратного влияния противоположной стороны, что и приводит к наступлению преступного результата.

При этом сама причинная связь в области уголовного права понимается, как известно, неоднозначно. Учитывая важность вопроса о причинной связи между совместной деятельностью нескольких лиц и результатом, а также то обстоятельство, что спор по этому вопросу, к сожалению, далек от завершения, проблема причинной

⁵⁹ См., напр.: Шеслер А. В. Указ. соч. С. 10—11 ; Козлов А. П. Виды и формы соучастия в уголовном праве. Красноярск, 1992. С. 12—16.

связи применительно к совместному совершению общественно опасного деяния требует специального анализа. Этот анализ должен основываться на следующих положениях. Во-первых, на общем понимании причинности, во-вторых, на понимании причинности в совместном совершении преступления.

Итак, прежде всего следует определиться с тем, что следует понимать под причинностью (лат. *viacausalitatis*). «Причинность — философская категория для обозначения необходимой генетической связи явлений, из которых одно (наз. причиной) обуславливает другое (наз. следствием или действием)»⁶⁰. «Причина — то, что предшествует другому и вызывает его в качестве следствия»⁶¹. «Под причиной понимается явление, которое так связано с другим явлением, называемым следствием, что его возникновение неизбежно влечет за собой возникновение следствия и уничтожение его влечет за собой уничтожение следствия»⁶². «Когда одно явление при определенных условиях видоизменяет или порождает другое явление, то первое выступает как причина, второе — как следствие»⁶³.

Таким образом, причинность представляет собой такую объективную связь явлений, благодаря которой одно действие, будучи причиной, влечет за собой неизбежное изменение в объекте, что называется следствием. Внутренним механизмом причинности служит процесс взаимодействия причины и следствия. Нужно отметить, что эти взаимоотношения между причиной и следствием могут выступать как в форме необходимости, так и в форме случайности.

Приведенные выше определения причинности с очевидностью демонстрируют существенное свойство: в каждом из них акцент делается на генетичности связи явлений в необходимых процессах различного типа⁶⁴. Действительно, в настоящее время практически ни у кого не вызывает сомнений, что причинность обусловлена главным образом необходимостью. Это означает, что при наличии причины и соответствующих условий следствие наступает везде и всегда с неизбежностью. Однако из этого вовсе не следует, что признание необходимого характера связи причины со следствием полностью исключает случайность как объективную разновидность всеобщей связи. Какое-либо событие или явление,

⁶⁰ Философский словарь. М., 1972. С. 329.

⁶¹ Кондаков Н. И. Логический словарь-справочник. М., 1975. С. 479.

⁶² Там же.

⁶³ Спиркин А. Г. Указ. соч. С. 282.

⁶⁴ Категории диалектики как ступени познания / под ред. А. П. Шептулина, И. Д. Андреева, Ф. Т. Архипцева. М., 1971. С. 197.

следовательно и его причина, могут быть, но могут и не быть в данный момент, что зависит от того, порождены ли они внутренними тенденциями или обусловлены простым чередованием звеньев причинно-следственной цепи. Но если причина данного явления и соответствующие условия налицо, то ее следствие будет обязательным. Например, исправный пистолет, заряд с сухим порохом, пуля и надежный капсюль патрона после нажатия спускового крючка обязательно приведут к выстрелу. Поэтому можно сделать вывод, что причина порождает следствие лишь постольку, поскольку в данных условиях иного не могло и быть, и рано или поздно это случилось бы. Констатация этого факта отнюдь не означает, что причинность лишена случайных, привходящих обстоятельств. Случайность имеет место в причинности, однако является лишь дополнением, а не ее сущностной составляющей. Необходимость вскрывается в результате изучения массы случайностей, свойственных тем или иным явлениям. Она обнаруживается как тенденция, реализующаяся через случайности конкретных фактов. Стоит отметить, что многие авторы вполне определенно считают причинно-следственную связь одной из форм существования необходимости. Так, в частности, И. Д. Андреев отмечал: «Значительное место в познавательной деятельности людей занимает раскрытие и познание причинно-следственных связей, являющихся ... формой проявления необходимости»⁶⁵. Таким образом, причинность — это необходимая связь между причиной и следствием, где причина может быть и случайна, но следствие всегда необходимо. Следует отметить, что до настоящего времени взаимоотношение необходимости и случайности достаточно четко не определено, а это с неизбежностью отражается и на различных исследованиях, в том числе и уголовно-правовых явлений.

В истории развития представлений о необходимости и случайности изначально существовали две противоположные концепции. Первая заключалась в отрицании случайности и признании только необходимой причинной связи, вторая — в отрицании необходимости и признании только случайной связи⁶⁶. Гегель, пожалуй, одним из первых, подчеркивая диалектическую природу причинности, поставил под сомнение существовавшие концепции противопоставления необходимости и случайности, указал на их

⁶⁵ Андреев И. Д. Основы теории познания. М., 1959. С. 114—115.

⁶⁶ См., напр.: История философии. М., 1957; Античные философы. Киев, 1955. С. 25; Горан В. П. Необходимость и случайность в философии Демокрита. Новосибирск, 1984. С. 13; Аристотель. Метафизика. М., 1934. Кн. 1. С. 83 и далее; Гоббс Т. Избранные сочинения. М.; Л., 1926. С. 91; Спиноза Б. Избранные произведения. М., 1957. Т. 1. С. 101 и др.

взаимопроникающий характер, который состоит в том, что случайность выступает как форма проявления необходимости и как ее дополнение⁶⁷. Конечно, случайность для конкретной необходимости имеет свои причины в чем-то другом, и по отношению к этому другому она является необходимостью. Поэтому возможны пересечения необходимых рядов. Но для конкретного явления необходимо лишь что-либо одно. Все остальное — случайно.

Большинство современных философов понимают под необходимостью такое явление, которое обусловлено внутренними свойствами, а случайное — внешними. То или иное событие выступает как случайное, если его исход не может быть спрогнозировано точно, а лишь вероятно. Причем если в осуществлении событий участвуют люди, то отдельные события предсказать еще труднее: человеческие поступки не предопределены однозначно, они не запрограммированы раз и навсегда⁶⁸. И здесь поэтому нужно указать, что необходимость существует не только в форме уже реализованной возможности, так сказать актуально, но и потенциально. В любом процессе всегда существует несколько возможностей. Однако когда все противоположные возможности исключены, круг условий определен и на свет появляется событие, которое, однажды случившись, не может быть иным, чем оно есть, возможность быть, или не быть, или существовать иначе исчезнет. Случившееся и действительное имеет специфический характер — характер невозможности существовать иначе. В этом состоит понятие необходимости — реализовавшаяся действительность или, иначе говоря, единство реальной возможности и действительности. Необходимость оказывается тем связующим звеном, через которое проходит путь превращения абстрактной возможности в реальную, а затем — в действительность. Таким образом, превращение возможности в действительность обусловлено тем, насколько необходима реализация именно этой возможности. Необходимость превращения возможности в действительность может усиливаться или ослабляться, что связано с изменением условий.

Итак, для того чтобы причина вызвала следствие, превращаясь из возможности в действительность, требуются определенные условия. Условия — это явления, необходимые для наступления

⁶⁷ Гегель Г. В. Ф. Сочинения. М., 1937. Т. 5. С. 677.

⁶⁸ Исследование вероятности предопределенности человеческих поступков было предпринято А. Грюнбаумом (Грюнбаум А. Свобода воли и законы человеческого поведения // Вопросы философии. 1970. № 6). В этом ключе довольно интересными представляются рассуждения Д. А. Керимова о свободе воли (Керимов Д. А. Философские проблемы права. М., 1978. С. 461—463).

данного события, однако сами по себе его не вызывающие⁶⁹. Если сами по себе условия не могут вызвать соответствующего следствия, то и без них причина тоже не может реализоваться. Еще Гален говорил: ни одна причина не может вызвать заболевания, если налицо нет восприимчивости организма. Известно, что человек, в организм которого попали определенные микробы, может заболеть, а может и не заболеть. От характера условий зависят способ действия данной причины и природа следствия. Изменяя условия, можно изменять и способ действия причины, и характер последствия⁷⁰.

В философии различают полную причину и причину специфическую, главную и неглавную. Полная причина — это совокупность всех событий, при наличии которых рождается следствие. Установление полной причины возможно только в довольно простых событиях, в которых участвует, как правило, сравнительно небольшое число элементов. Обычно же исследование направлено на раскрытие специфических причин явления. Специфическая причина — это совокупность ряда обстоятельств, взаимодействие которых вызывает следствие. При этом специфические причины вызывают следствие при наличии многих других обстоятельств, уже имевшихся в данной ситуации до наступления следствия. Эти обстоятельства как раз и составляют условия действия причины. Специфическую причину определяют как наиболее существенные в данной ситуации элементы полной причины, а остальные ее элементы выступают в роли условий действия специфической причины. Достаточно часто бывает так, что причиной события выступает сразу несколько обстоятельств, каждое из которых необходимо, но недостаточно для наступления явления. Поэтому главная причина — это та, которая из всей совокупности причин играет решающую роль и с необходимостью вызывает следствие.

Учет изложенных выше моментов представляет собой важное условие правильного понимания причинности в уголовно-правовых явлениях, в частности в таком, как соучастие в преступлении.

Требование обязательности причинной связи для признания лица виновным в совместном совершении преступления было сформулировано еще в XIX веке. Одним из первых криминалистов, выдвинувших и обосновавших это требование применительно к институту соучастия, был Ансельм Фейербах. Его концепция

⁶⁹ Звонов М. А. Очерк диалектического и исторического материализма. М., 1948. С. 95 ; Розенталь М. М., Штракс Г. М. Категории материалистической диалектики. М., 1956. С. 93—95.

⁷⁰ Спиркин А. Г. Указ. соч. С. 286.

заклучалась в том, что непосредственной причиной являются действия лица, вызвавшие преступный результат, а также и то «лицо, в коего воле и деянии содержится достаточная причина для произведения преступления, яко действие оной»⁷¹. К числу таких лиц Фейербах относил не только исполнителей, но и подстрекателей. Побочными же причинами он считал те, которые лишь содействуют наступлению результата. Лица, вызвавшие эти причины, по его мнению, называются пособниками. А. Фейербах утверждал, что причины преступного результата могут быть непосредственными и побочными. Поскольку все действия образуют общую причину результата, то, по его мнению, все содеянное исполнителем вменяется в вину и соучастникам, какова бы ни была их роль в преступлении⁷². Франц Лист, напротив, полагал, что в смысле уголовно-правовой ответственности причинение, повод-причина и условие совпадают. «Из понятия причины, — писал он, — следует, что всякий, кто принимает участие в создании преступного результата, считается причинившим этот результат, что поскольку условия результата являются равнозначными, между отдельными действующими в преступлении лицами нет особого различия, так различие в ответственности может проводиться в пределах санкции за совершенное преступление»⁷³.

Прежде всего следует отметить, что причинение, несмотря на то что «оно и в Африке причинение»⁷⁴, в социальных явлениях все же обладает некоторыми особенностями. Диалектический детерминизм, являющийся основой современной отечественной философии, исходит из признания многообразия типов причинной связи в зависимости от характера закономерностей, действующих в той или иной сфере явлений. Исходя из этого положения, нужно сказать, что особенность причинения в таком явлении, как соучастие в преступлении, состоит не в наличии причинной связи между действиями лица, выполняющего объективную сторону конкретного состава преступления, и конкретным преступным результатом, а в ее наличии между деяниями лиц, способствовавших в различных формах подготовке или совершению этого преступления, и преступным результатом. И связано это с тем, что, как уже отмечалось, человеческие поступки не predeterminedены фатально и однозначно, поскольку проецируются сквозь его интеллектуально-волевую деятельность.

⁷¹ Фейербах А. Уголовное право. СПб., 1810. С. 42.

⁷² Там же.

⁷³ Цит. по: Ковалев М. И. Соучастие в преступлении. Екатеринбург, 1999. С. 49.

⁷⁴ Козлов А. П. Соучастие... С. 46.

Поэтому правильное понимание причинности предполагает установление типа зависимости: а) между деянием исполнителя и преступным результатом; б) между деяниями иных участников и между их деяниями и деянием исполнителя преступления; в) между деяниями иных участников и преступным результатом, вызванным деянием исполнителя. Здесь следует сделать небольшую ремарку. Вопреки мнению некоторых авторов, указывающих на зависимость причинной связи от формы совместности деяния (все соучастники выполняют объективную сторону конкретного состава преступления или имеет место юридическое распределение ролей), нужно отметить, что в этой ситуации как раз никаких существенных особенностей нет.

Итак, рассмотрим первую ситуацию. Прежде всего, следует сделать некоторые замечания, касающиеся причинной интерпретации деяния человека. Уже И. Кант обращал внимание на то, что сознательное действие разумного существа является причиной того или другого результата деятельности. Именно это действие и причиняет результат, поскольку оно представляет собой одновременно и то средство, благодаря которому результат достигается. Поэтому оно не только не опровергает необходимость причинного отношения как такового, но, напротив, включая его в некоторое особенное содержание, предполагает необходимость этого отношения⁷⁵.

Отношение цели, средства и результата деятельности исполнителя преступления является, таким образом, формой причинного отношения. Особенность этой формы как раз и заключается в том, что здесь отношения вещей осуществляются не просто на основе необходимости и случайности стихийного бытия, а на основе осознанной деятельности человека. Поэтому, помимо реального отношения причины и следствия, этот порядок включает в свое содержание и полагание в форме идеального отношения цели и средства. Целевой порядок является тем же самым прямым причинным порядком реальных отношений вещей, на который, однако, накладывается идеальная схема порядка, осмысленного в понятиях.

Свободное целесообразное действие представляет собой деятельность на основе сознания, т. е. на основе той же самой причинности и необходимости. Именно в этом состоит отличительная особенность причинного отношения, взятого в форме цели, средства и результата деяния человека. Однако стоит отметить, что ему предшествует представление об этом отношении, его

⁷⁵ Трубников Н. Н. Указ. соч. С. 110.

идеальный образ (цель), а также осознание возможности выбора соответствующего варианта поведения. А потому особенность причинности, взятой в этой форме, проявляется в том, что причинность трансформируется деятельностью человека и человеческим мышлением и волей так, что вместо хаотичного соединения причин здесь осуществляется сознательное определение средств достижения предполагаемой цели.

Отношение цели, средства и результата деяния в том виде, как это отношение осуществляется в реальной деятельности человека, представляет собой не простое отношение этих компонентов, а должно рассматриваться в виде сложной системы отношений. В этой системе средство не является единым. По отношению к цели оно выступает как средство логического определения, а по отношению к предмету деяния — как средство реального определения цели. И потому только реальное средство может быть расценено как причина. Именно оно, как средство реализации принимает участие в причинении преступного результата. Таким образом, реальное средство действительно причиняет результат деятельности. Поэтому в самом средстве необходимо должно содержаться то, что было бы способно соотноситься как с идеальностью цели, так и с реальностью ее реализации, с реальностью деяния и применяемых в нем средств. Это связующее звено должно быть идеальным и реальным, для того чтобы в действительности соединить идеальное мысли и реальное окружающей действительности в единое звено.

Таким звеном целевой деятельности является человек — носитель специфики деяния и самого этого деяния, его цели и средств реализации. Исходя из этого осуществляется определение общих моментов человеческой деятельности, характеризующей совершение преступления, — определение цели и средства, в котором цель доказывается идеальным образом результата деяния, средство, взятое в форме абстрактного понятия, — идеальным образом причины этого результата; средство реальное — его действительной причиной⁷⁶. Характер цели, как и пути ее достижения, избранные лицом на основе имеющихся возможностей, позволяют судить о свободе данного лица. Способность лица принимать то или иное решение, сознавая цель, значение и последствия своих действий, определяет, в случае противоправного поведения, его вину, а следовательно, и ответственность за свое деяние.

Эти моменты предрешают вопрос о причинности в социальных явлениях, в том числе и соучастия в преступлении. Поэтому и с

⁷⁶ См. подробнее: Там же. С. 115.

исполнителем все обстоит достаточно просто: его деяние представляет собой причину наступившего преступного результата.

Что касается второй ситуации, связанной с установлением типа зависимости между деяниями соучастников посягательства и между их деяниями и деянием исполнителя, то здесь необходимо сделать замечания следующего характера. Согласно взглядам большинства теоретиков уголовного права, занимавшихся проблемами регламентации ответственности за совместное совершение преступления, особенности причинной связи при такой форме совершения преступления определяются тем, что наступлению результата способствует многообразная деятельность нескольких лиц, не всегда вписывающаяся в общее понимание причинности. Так, П.Ф. Тельнов считал, что по глубине взаимного влияния связь между поступками соучастников носит иной характер, нежели соотношение причины—следствия⁷⁷. Поэтому данную деятельность приходится раскладывать на составные части для выяснения роли и значения деяний каждого из участников посягательства в формировании преступного последствия.

Из проведенного выше анализа общих положений о причинной связи явлений вытекает единственный вывод о том, что причинной результата конкретного действия может быть лишь такой объективный процесс, который характеризуется философской категорией необходимости. Поэтому причиной единственного преступного последствия, явившегося результатом приложения усилий нескольких лиц, нужно считать деяние лица или лиц, непосредственно выполняющих объективную сторону конкретного состава преступления.

В свете этого вывода следует признать не вполне обоснованным взгляд тех исследователей, которые полагают, что действия соучастников находятся между собой в отношениях причинной связи. Как уже отмечалось ранее, человек обладает собственной волей и потому вполне способен самостоятельно выбирать варианты своего поведения⁷⁸. Та или иная поведенческая реакция зависит лишь от самостоятельного решения индивида, и здесь зависимость эта является необходимой. Что касается влияния других лиц, то они, как верно было отмечено Н. Г. Ивановым, лишь «создают условия, способствующие тому, чтобы индивид решился на какой-либо поведенческий акт»⁷⁹.

⁷⁷ Тельнов П. Ф. Указ. соч. С. 30.

⁷⁸ Гегель по этому поводу писал: «Обстоятельства или мотивы господствуют над человеком лишь в той мере, в какой он сам позволяет им это» (Гегель Г. В. Ф. Работы разных лет. М., 1970. Т. 2. С. 26).

⁷⁹ Иванов Н. Г. Указ. соч. С. 85. Это обстоятельство также подчеркивается

Поэтому связь соучастников между собой необходимо рассматривать как взаимодействие условий, способствующих реализации причины, и согласиться с мнением, которое неоднократно высказывалось на этот счет в литературе, посвященной данной проблеме⁸⁰. Хотя такого рода зависимость едва ли будет иметь юридическое значение, поскольку состоявшаяся совместность определяется исключительно отношением к деянию, совершенному исполнителем. Исключение составляют только случаи, когда первоначальное последствие взаимодействия представляет собой самостоятельный состав преступления — уголовно наказуемый сговор (допустим, ст. 209 УК РФ). А в данном случае имеет место причинность. Поэтому решение этого вопроса, применительно к большинству случаев, представляется непринципиальным.

Третья ситуация, предполагающая установление типа зависимости между деяниями соучастников и наступившим в результате деяния исполнителя преступным результатом, также заслуживает пристального внимания. Здесь связь будет носить необходимый характер, поэтому справедливо утверждение о том, что между действиями соучастников и наступившими преступными последствиями должна быть установлена именно причинная связь. Таким образом, прав был П. Ф. Тельнов, применительно к соучастию утверждая следующее: «Характерный показатель совместности совершения преступления — причинная зависимость между деянием каждого соучастника и общим для соучастия преступным результатом»⁸¹.

В связи с рассмотрением этой ситуации прежде всего возникает закономерный вопрос, который в свое время был поставлен М. Д. Шаргородским: почему, например, действия подстрекателя, не осуществлявшего объективную сторону преступления, должны находиться в причинной связи с результатом, причинителем которого является исполнитель⁸². На основании этого он говорил о таком разделении объективных связей: действия исполнителя — причина результата; действия иных соучастников — условия причины⁸³. Ответ на него следует искать, исходя из следующих

Е. А. Галактионовым (Галактионов Е. А. Указ. соч. С. 23).

⁸⁰ См., напр.: Гришаев П. И., Кригер Г. А. Указ. соч. С. 17 ; Тельнов П. Ф. Указ. соч. С. 30.

⁸¹ Тельнов П. Ф. Указ. соч. С. 32.

⁸² Шаргородский М. Д. Некоторые вопросы... С. 90.

⁸³ Там же. См. также: Малахов И. П. Соучастие в воинских преступлениях в свете общего учения о соучастии по советскому уголовному праву : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 1971. С. 14.

положений. Действие, как известно, образуется рядом операций⁸⁴. Каждая такая операция, структурно входящая в действие, является его самостоятельным элементом, а в определенных отношениях и сама может даже рассматриваться как действие по отношению к другим операциям. То же самое положение складывается при совместном совершении преступления: действия каждого из соучастников будут не чем иным, как элементом единого общего для всех деяния. Именно поэтому преступный результат находится именно в причинной связи с деяниями соучастников, а не в зависимости обусловленности, как считал М. Д. Шаргородский. Что касается так называемой зависимости обусловленности, то она является не чем иным, как элементом причинной связи — условием. Об этом уже писалось выше. В связи с этим стоит отметить весьма специфическую концепцию, предложенную А. П. Козловым. Он, упрекая В. А. Григорьева в смешении причин и условий и отмечая, что условия являются столь же необходимым фактором для наступления результата, как и причина, и потому столь же нужны для наступления общего результата⁸⁵, сам тем не менее почему-то выводит их за рамки причинной связи, выдвигая новый тип — обуславливающе-опосредованная объективная связь. Аналогичная точка зрения встречается и у некоторых других ученых⁸⁶. При этом авторы, по всей видимости, забывают о том, что условия — это неотъемлемая составная часть любого причинного отношения, потому что от характера условий зависят и способ реализации причины и природа следствия. Кроме того, попытка введения в уголовно-правовой обиход нового типа объективной зависимости (как по отношению к совместному совершению преступления, так и по отношению к единолично совершенному деянию⁸⁷) едва ли приведет к позитивным результатам, несмотря на заявления о том, что наличие «двух объективных связей в уголовном праве помогает дифференцировать и уголовную ответственность»⁸⁸.

Кроме того, в качестве аргументов против признания причинной связи в этой ситуации выдвигаются тезисы о том, что взаимозависимость между деяниями участников посягательства и исполнителем вряд ли совпадает с понятием причинной связи и по положению их действий во времени. В качестве примера обычно приводятся действия пособника. При этом не учитывается тот

⁸⁴ Новейший психологический словарь. С. 110—111.

⁸⁵ Козлов А. П. Соучастие... С. 45 и далее.

⁸⁶ Шеслер А. В. Указ. соч. С. 10—11.

⁸⁷ Козлов А. П. Соучастие... С. 49.

⁸⁸ Там же. С. 48.

момент, что как причина, так и условие могут носить информационный характер. Это значит, что условием совершения преступления выступает не факт оказания содействия при совершении преступления или выполнения определенных действий после его совершения, а сам факт обещания такого содействия⁸⁹.

В заключение необходимо отметить, что, по мнению практически всех ученых, совместность общественно опасного поведения возможна на любой стадии совершения преступления, но обязательно до момента его юридического окончания, а это, в свою очередь, свидетельствует о признании факта наличия причинной связи. Ведь в противном случае к совместному совершению преступления следовало бы относить, в том числе, и прикосновенность к преступлению⁹⁰. И вопрос о пределах ответственности за совместное совершение преступления был бы практически неразрешимым.

3. СУБЪЕКТИВНЫЕ ПРИЗНАКИ СОУЧАСТИЯ В ПРЕСТУПЛЕНИИ

Совместное совершение преступления — это всегда поведение, деятельность конкретных лиц. Философское понимание деятельности неразрывно связано с понятием деятеля, субъекта деятельности. Совместность поведения, как уже отмечалось, расценивается как проявление его сущности. Действование — сама личность, утверждают философы⁹¹. Исходя из этого, рассматривать соучастие в преступлении только с учетом объективных признаков невозможно, поэтому вытекающие из логики совместности обязательные субъективные свойства также должны быть

⁸⁹ Станным в связи с этим выглядит высказывание А. А. Арутюнова о том, что «что передача информации не может вызвать изменения во внешнем мире» (Арутюнов А. А. Указ. соч. С. 38). Можно привести элементарный пример: человек, зная, что у потерпевшего большое сердце, и желая причинить смерть последнему, сообщает ему о гибели близких родственников. Применительно же к исследуемому А. А. Арутюновым соучастию можно отметить, что и организатор, и подстрекатель в таком случае лишаются оснований ответственности за преступление.

⁹⁰ См. подробнее: Курс советского уголовного права / под ред. Н. А. Беляева, М. Д. Шаргородского. Т. 1. С. 593; Калинин В. Б. Причинная связь в уголовном праве. СПб., 2000. С. 232—233.

⁹¹ Каган М. С. Человеческая деятельность. М., 1974. С. 41; Рожко К. Г. Принцип деятельности. Томск, 1983. С. 17; Его же. Понятие человеческой деятельности // Понятие деятельности в философской науке. Томск, 1978. С. 41; Буева А. П. Человек: деятельность и общение. М., 1978. С. 59.

учтены при определении понятия исследуемого уголовно-правового явления.

Наряду с объективными свойствами совместность деяния обладает достаточно внушительным объемом субъективных черт. Они позволяют детально охарактеризовать совместность с точки зрения внутренних процессов, происходящих между участниками совместного совершения преступления. Совместность деяния, преломляясь сквозь призму психического отношения лиц, участвующих в совершении единого для всех них преступления, находит свое выражение в общности вины. Как уже отмечалось, в сущности, совместное совершение преступления представляет собой совокупную деятельность нескольких лиц. И только в этом случае данная деятельность может считаться связанной с наступившим результатом. При этом в качестве связующего звена может рассматриваться как раз общность вины участников деяния, именно она создает необходимую основу для взаимодействия как объективного свойства совместности деяния. Отсутствие общности вины, исходя из этого, делает невозможной и единую форму ответственности.

Давая оценку общности вины соучастников, сначала стоит отметить, что содержание их внутреннего отношения к тем или иным объективным юридически значимым признакам преступления, совершеного совместными усилиями нескольких лиц, может существенно различаться. Совокупность этих отношений и формирует направленность участников на совершение деяния, выраженную в той или иной форме вины. Юридическая значимость данных отношений в конкретных случаях может быть различной, и их нельзя рассматривать, основываясь на каких-либо шаблонах: одно отношение всегда главное, другое всегда второстепенное. В уголовно-правовой литературе долгое время идет дискуссия о том, какое отношение преступника является определяющим: к совершаемым действиям или к наступившим последствиям. Вопрос этот важный, так как связан с реализацией уголовной ответственности. Но данный спор не выходит за рамки уголовно-правовой целесообразности, поскольку в реальной жизни у субъектов преступления имеется не одно отношение — к действиям или последствиям, не два — к действиям и последствиям, а более или менее непротиворечивый ряд отношений к каждому юридически значимому объективному признаку конкретного деяния. И любое из этих отношений может оказать влия-

яние на квалификацию преступления. Поэтому все они являются одинаково важными⁹².

Юридическая значимость того или иного субъективного отношения лица к различным элементам конкретного состава преступления изначально определяется социально-психологической сутью поведения субъекта, но при квалификации решающую роль играют, конечно же, уголовно-правовые дефиниции. Они служат своеобразным прокрустовым ложем. Если то или иное психическое отношение не укладывается в юридическую формулу, оно либо отбрасывается, либо «подгоняется» под нее. При этом иногда, как верно отметил В. В. Лунеев, «забывается, что уголовно-правовые определения различных аспектов субъективной стороны являются всего лишь интегрированным юридическим отражением различных психологических реалий, отражением, как правило, неполным, нередко приблизительным и даже искаженным»⁹³.

В настоящее время вина понимается как процесс, происходящий в психике субъекта. Предполагаются две ее формы: умысел и неосторожность. Обе они представляют собой различные комбинации интеллектуального и волевого моментов поведения человека. Первый определяет объем и характер знаний и представлений субъекта о совершаемом деянии, второй — отношение субъекта к обстоятельствам, событиям и действиям, знание о которых явилось содержанием интеллектуального момента. Выяснение содержания этих моментов имеет принципиальное значение для характеристики совместного совершения преступления, поскольку указанные моменты предопределяют форму совместного преступления.

Основываясь на этих положениях, можно констатировать, что под общностью вины соучастников необходимо понимать наличие внутренней (психической) связи между ними и совершаемым деянием, которая и определяет субъективные свойства совместности. Выход за пределы данной общности исключает постановку вопроса о совместности совершенного преступления. Сразу же следует сделать одно замечание. Понятие «общность вины» далеко не тождественно понятию «единство вины». Очевидно, что сходство волевого поведения имеет место там, где каждая его составляющая направляется на отдельное, хотя и однородное деяние, а там, где волевого поведения многих направлено на одно

⁹² На это указывал еще М. И. Ковалев (Ковалев М. И. Соучастие в преступлении. Екатеринбург, 1999. С. 71).

⁹³ Лунеев В. В. Субъективное вменение. М., 2000. С. 6.

деяние, и притом выполненное их общими усилиями, там проявляется не его сходство, а его общность. Общая деятельность придает каждому единичному волевому акту своеобразную окраску, сохраняя индивидуальные особенности, единичные волевые акты становятся общей виной, являются общей волей, отличной от единичного волевого поведения отдельных лиц, в виде реальной силы, которая и причиняет вред соответствующим общественным отношениям. Общая вина, таким образом, создает и общую ответственность.

К основным характеристикам общей вины в соучастии можно отнести следующие: а) осознание общественно опасного (или предосудительного) характера собственных действий; б) осознание характера поведения других участников; в) осознание факта взаимодействия при подготовке или совершении преступления; г) предвидение наступления общего преступного результата; д) желание либо сознательное допущение его наступления. С точки зрения интеллектуального и волевого моментов поведения соучастников совместность их вины обладает некоторыми особенностями, которые обусловлены таким объективным свойством, как взаимодействие в процессе совершения преступления.

Какая осознания общественно опасного характера собственных действий, следует сделать следующие замечания. В данном случае практически никаких особенностей по сравнению с интеллектуальным моментом умысла единолично действующего лица не существует. Судебная практика исходит из того, что лицу достаточно лишь в общих чертах осознавать, что совершаемое им действие (бездействие) причиняет или может причинить вред личности, собственности, общественному порядку и другим общественным отношениям, охраняемым законом.

Относительно осознания характера поведения других участников и факта взаимодействия при совершении преступления (субъективная связь) нужно сказать следующее. Осознание соучастником посягательства того обстоятельства, что преступление совершается им совместно с другими лицами, в первую очередь означает наличие взаимной психической связи и осведомленности о совместных преступных действиях (бездействии). При этом, конечно, не требуется знания всех деталей преступного деяния, необходимо только общее представление об основных элементах состава совершенного преступления. Вопрос об осознании факта взаимодействия при подготовке или совершении преступления не так прост и вызывает в теории уголовного права различные мнения. Стоит отметить, что эта характеристика явля-

ется необходимой во всех формах совместного совершения преступления.

Субъективная связь между соучастниками в общих чертах представляет собой, во-первых, осознание общественной опасности или предосудительности собственного деяния; во-вторых, осознание общественной опасности деяния других участников, а также факта их объединенной деятельности.

Таким образом, при установлении наличия субъективной связи главным выступает выяснение возможности осознания лицом факта того, что оно действует не единолично и что, соответственно, общий преступный результат причинно связан не с поведением каждого из участников в отдельности, а с совокупной деятельностью всех этих лиц.

Субъективная связь в совместном совершении преступления исходя из этого представляет собой процесс непосредственного или опосредованного психического воздействия соучастников деяния друг на друга, который порождает их взаимную связь и определяет специфику взаимодействия при совершении преступления. Она выступает в качестве того объединяющего фактора, который способствует образованию разнообразных форм совместного совершения преступления. Именно наличие субъективной связи между участниками посягательства и ее характер проявляют признаки, характеризующие множество участников посягательства как взаимосвязанную структуру.

В теории уголовного права рассматриваются два вида субъективной связи между участниками посягательства: а) односторонняя субъективная связь; б) многосторонняя субъективная связь. Основанием такого рода классификации служит характер осведомленности каждого из участников совместного деяния о присоединяющейся деятельности других лиц. Разногласия вызывает вопрос о том, достаточно ли для констатации факта совместности деяния существования только односторонней субъективной связи между участниками посягательства, т. е. такой ситуации, когда о присоединяющейся деятельности других лиц осведомлены не все участники деяния. Разброс мнений по данному вопросу достаточно широк и имеет глубокие корни в истории отечественного уголовного права⁹⁴. Причем спор этот актуален для соучастия с

⁹⁴ Противниками признания возможности односторонней связи между соучастниками выступают М. А. Шнейдер, А. А. Пионтковский, А. И. Рарог, Н. Г. Иванов и др. (см., напр.: Познышев С. В. Основные начала науки уголовного права : Общая часть уголовного права. М., 1912. С. 373 ; Ковалев М. И. Соучастие в преступлении. Екатеринбург, 1999. С. 70 ; Тельнов П. Ф. Указ. соч. С. 52 ; Иванов Н. Г. Указ. соч. С. 89—90 ; Курс советского уголовного права / под. ред.

юридическим распределением ролей и ограничивается исключительно характером связи пособника и исполнителя. Что касается приводимых в юридической литературе примеров односторонней связи между подстрекателем и исполнителем деяния, то они, мягко говоря, некорректны. Например, ставший классическим в уголовном праве пример из трагедии Шекспира «Отелло», приведенный Ф. Г. Бурчаком⁹⁵, подстрекательством вообще нельзя назвать, хотя бы потому, что он не отвечает основному признаку, характеризующему этот способ участия в преступлении, — в нем нет склонения к совершению конкретного преступления. Субъективная связь между организатором, подстрекателем и пособником принципиального значения не имеет. Хотя можно все же отметить, что вполне вероятны случаи, когда подстрекатель и пособник, имея субъективную связь с исполнителем, не знают друг о друге и вообще не подозревают о наличии других действующих лиц. П. Ф. Тельнов верно отметил, что «с увеличением числа взаимодействующих лиц усложняются связи между ними»⁹⁶. Поэтому главным является, чтобы указанные лица находились в двухсторонней субъективной связи с исполнителем преступления. Именно в силу данного обстоятельства вполне вероятно признание деяния совместным в тех случаях, когда подстрекатель и пособник, имея двухстороннюю субъективную связь с исполнителем, ничего не знают друг о друге. Например, действия подстре-

А. А. Пионтковского, П. С. Ромашкина, В. М. Чхиквадзе. Т. 2. С. 455 ; Рапог А. И. Проблемы субъективной стороны преступления. М., 1991. С. 82 и далее ; Шнейдер М. А. Соучастие в преступлении по советскому уголовному праву. М., 1958. С. 16—17 ; Гаухман Л. Д. Соучастие в преступлении по советскому уголовному законодательству : опыт сравнительного правоведения. М., 1990. С. 19 ; Шеслер А. В. Указ. соч. С. 13 ; Арутюнов А. А. Указ. соч. С. 26 и др.).

Напротив, на возможность существования односторонней субъективной связи при соучастии указывал еще П. П. Пусторослев, который вообще полагал, что для соучастия достаточно того, что соучастник умышленно совершал свои действия, ничего не зная о других соучастниках (Пусторослев П. П. Русское уголовное право. Юрьев, 1912. С. 212). Его концепция была воспринята многими исследователями (см., напр.: Трайнин А. Н. Указ. соч. С. 74—76 ; Бурчак Ф. Г. Соучастие: социальные, криминологические и правовые проблемы. Киев, 1986. С. 106—110 ; Галиакбаров Р. Р. Квалификация групповых преступлений. М., 1980. С. 24 ; Смирнов В. Г. Понятие прикосновенности по советскому уголовному праву. М., 1957. С. 9 ; Куринов Б. А. Научные основы квалификации преступлений : учебное пособие. М., 1984. С. 148 ; Козлов А. П. Соучастие... С. 69—72 и др.).

⁹⁵ Бурчак Ф. Г. Подстрекательство как вид соучастия в преступлении по советскому уголовному праву : автореф. дис. ...канд. юрид. наук. Киев, 1965. С. 10—11.

⁹⁶ Тельнов П. Ф. Указ. соч. С. 51—52.

кателя могут относиться непосредственно к предполагаемому исполнителю и осуществляться путем прямого воздействия на его волю и сознание, а могут также носить и опосредованный характер, принимая форму подстрекательства к подстрекательству и не уничтожая конструкции соучастия.

Показательно в этом отношении дело, рассмотренное Санкт-Петербургским городским судом, суть которого заключалась в следующем. На почве личных неприязненных отношений Л. решила убить своего мужа. О своем намерении она поставила в известность своего сына М. и попросила оказать ей в этом содействие — подыскать исполнителя преступления. М. склонил к совершению убийства Б., предложив ему денежное вознаграждение⁹⁷.

Совместность, как было указано выше, имеет одним из объективных свойств взаимодействие двух или более лиц. В связи с этим возникает вопрос: может ли существовать взаимодействие при односторонней связи, когда один из участников не знает о присоединившейся деятельности другого? Характеризуя особенности субъективной связи между лицами, совместно участвующими в совершении преступления, необходимо исходить опять же из уже имеющихся данных психологии относительно понятия совместной деятельности. Принцип научной обоснованности уголовно-правового регулирования включает в числе прочего и обязательность использования других отраслей знания, в том числе и психологии, где детально разработана теория совместной деятельности⁹⁸. Это не будет излишней «психологизацией» уголовного права, а будет отражать реальное проявление комплексного подхода к конкретному уголовно-правовому явлению.

В психологии содержание совместной деятельности участников опосредует все процессы внутригрупповой динамики: развитие межличностных отношений, восприятие партнерами друг друга, формирование групповых норм и ценностей, форм сотрудничества и взаимной ответственности⁹⁹.

Таким образом, совместная деятельность обладает, в частности, таким необходимым характеризующим ее качеством, как возможность непосредственного или опосредованного контакта между участниками (так называемая взаимная перцепция¹⁰⁰). Именно с этим качеством психология связывает возможность признания деятельности как совместной. Отсутствие взаимовосприятия исключает совместность деятельности. Поэтому остается непонятным, в

⁹⁷ Архив Санкт-Петербургского городского суда. Уголовное дело № 2-38/97.

⁹⁸ См., напр.: Донцов А. И. Указ. соч. ; Петровский А. В. Указ. соч. и др.

⁹⁹ Новейший психологический словарь. С. 100.

¹⁰⁰ Еникеев М. И. Указ. соч. С. 428.

силу каких именно обстоятельств в уголовном праве это положение не соблюдается, ведь специфика совместного деяния заключается только исключительно в социальной окраске деяния и частично в механизме его совершения, что обусловлено юридической конструкцией конкретного состава преступления, однако это не должно накладывать отпечаток на общее понимание субъективного содержания совместности.

При рассмотрении такого объективного свойства совместности, как взаимодействие в процессе совершения преступления, уже затрагивался вопрос о повышенной общественной опасности совместных посягательств. В числе прочих моментов, влияющих на общественную опасность деяний подобного рода, указывалось на то, что в процессе взаимодействия создаются условия взаимной как функциональной, так и психической поддержки. Односторонняя субъективная связь это обстоятельство практически исключает: нет ни взаимной функциональности, ни взаимной психической поддержки. В данном случае можно говорить только о функциональной (технической) поддержке, но ее недостаточно для констатации совместности.

Кроме того, невозможность совместного участия в совершении преступления при односторонней связи соучастников доказывается анализом совместной деятельности лиц и с сугубо уголовно-правовых позиций. Связано это прежде всего с такой характеристикой, как объем вины. Сам термин «объем вины» впервые использовал в своей работе И. Г. Филановский, под ним он понимал осознание субъектом признаков места, времени, способа совершения преступления и других обстоятельств, которые могут иметь юридическое значение для уголовно-правовой оценки деяния. И. Г. Филановский полагал, что форма вины выделяет лишь психическое отношение субъекта по отношению к последствиям¹⁰¹. Эта точка зрения была подвергнута критике П. С. Дагелем и Д. П. Котовым, которые считали, что данная позиция «основана на смешении понятий содержания и формы вины, что и привело его к выдвиганию не известного ни теории, ни практике термина “объем вины”. Это новшество представляется излишним»¹⁰². На наш взгляд, использование термина «объем вины» для характеристики вины любого преступника допустимо. Это обусловлено следующими причинами. Прежде всего, деяние представляет со-

¹⁰¹ Филановский И. Г. Социально-психологическое отношение субъекта к преступлению. Л., 1970. С. 156—162.

¹⁰² Дагель П. С., Котов Д. П. Субъективная сторона преступления и ее установление. Воронеж, 1974. С. 59.

бой не просто какую-то форму поведения, а поступок, и поступок, как верно отметил А. И. Рарог, «совершаемый определенным способом в конкретных условиях, времени и т. п.»¹⁰³. Существует ряд ситуаций, когда именно эти обстоятельства служат основанием для признания деяния общественно опасным. Попадая в такие ситуации, преступник осознает не только фактическую сторону деяния, но и обстоятельства, придающие его деянию общественно опасный и противоправный характер, т. е. осознает социальную значимость своих действий.

Таким образом, объем вины можно определить как совокупность отношений лица, совершающего преступление, ко всем вменяемым ему в вину признакам деяния. Значение этой категории характеристики вины заключается в том, что она очерчивает круг обстоятельств, имеющих юридическое значение и подлежащих вменению субъекту преступления. Следует в данном случае согласиться с А. И. Рарогом, который отметил, что «объем вины устанавливает конкретные пределы ее содержания»¹⁰⁴.

Для решения вопроса об объеме вины соучастников необходимо учитывать следующие моменты:

а) осознание признаков, характеризующих объект посягательства и определяющих общественную опасность совершаемого деяния;

б) осознание признаков, характеризующих объективную сторону совершаемого преступления.

Осознание признаков, характеризующих объективную сторону конкретного состава преступления, включает в себя, в том числе, и осознание совместности совершения такого деяния. Это обусловлено тем, что «знание индивидом фактических обстоятельств своего поведенческого акта означает, кроме того, знание им всех элементов, которые данный поведенческий акт сопровождают»¹⁰⁵. Исходя из этого можно предположить, что поскольку лицо, совершая любой поведенческий акт, сознает его фактическую сторону, то вполне естественным будет вывод о том, что лицо, совершая преступление совместно с другими лицами, помимо прочих, сознает два фактических обстоятельства: а) им осознается то, что он совершает определенный поведенческий акт; б) им осознается то, что он совершает данный поведенческий акт не один, а вместе с другими лицами (причем для установления в этой ситуации совместности деяния необходимо выявить пока

¹⁰³ Рарог А. И. Проблемы субъективной стороны преступления. С. 13.

¹⁰⁴ Там же. С. 14.

¹⁰⁵ Иванов Н. Г. Указ. соч. С. 89.

еще только количественные составляющие участников, без учета качественных — возраста и вменяемости)¹⁰⁶. В отношении последнего обстоятельства следует заметить, что факт совершения деяния совместно с другими лицами может осознаваться и уголовно неответственными лицами. По крайней мере, взаимовосприятие¹⁰⁷ вполне допустимо, а этого, в принципе, достаточно для констатации фактической совместности деяния. Конечно, взаимовосприятие в данном случае предстает в урезанном виде, что обусловлено психофизиологическим состоянием уголовно неответственного лица, но все же оно существует и находит свое проявление в подражании. Подражание может исключать возможность осознания фактического характера совершаемого деяния, не исключая вместе с тем взаимовосприятия. Следовательно, не исключается и факт осознания того, что человек совершает поведенческий акт не в одиночку. Это свойство (подражание), присущее в большей или меньшей мере каждому человеку¹⁰⁸, в значительной степени оказывает влияние на малолетних и лиц, страдающих психическими расстройствами, поскольку их социализация зачастую поставлена в огромную зависимость от действий третьих лиц. Стремление человека к подражанию представляет собой одну «из самых резких черт его природы; это неоспоримая и неоспариваемая истина. Каждый человек расположен к подражанию, и эта особенность достигает maximum у людей, собранных вместе»¹⁰⁹. Психологи, констатируя этот факт, в качестве его причины называют внушение и внушаемость, которые, опять же, в большей степени присущи указанным выше группам. Вполне очевидно, что важно не только то, чему подражают люди и что им внушают, т. е. каково содержание передаваемой информации, но и то, от кого исходит информация и кто воспринимает переда-

¹⁰⁶ Указанное обстоятельство, думается, позволяет констатировать факт совместности и в неосторожном сопричинении преступного результата и, конечно же, в соучастии в преступлении.

¹⁰⁷ На наличие субъективной связи в такого рода ситуациях указывает и А. Н. Попов, в частности, он пишет, что «в противном случае участники преступления не могли бы объединить свои усилия» (Попов А. Н. Указ. соч. С. 18).

¹⁰⁸ Так, еще в конце XIX века Г. Тардом было отмечено, что вся социальная действительность «представляет из себя не что иное, как ряд сходств, произведенных разнообразными видами подражания: подражанием-модой или подражанием-привычкой, подражанием-симпатией или подражанием-повиновением, подражанием-образованием или подражанием-воспитанием, наконец, добровольными рефлексивными подражаниями» (Тард Г. Законы подражания. СПб., 1893. С. 28).

¹⁰⁹ Сигеле С. Преступная толпа. Опыт коллективной психологии // Преступная толпа. М., 1998. С. 32.

ваемую информацию. Таким образом, подражание и внушение объясняют происхождение общественно опасного совместного поведения психологическим влиянием одного лица на другое или группы лиц на одного человека. Однако следует иметь в виду, что человек с его сознанием является носителем общественных отношений. Если он в своей деятельности направляет сознание и волю в соответствии со сложившимися в обществе отношениями, его деятельность не является опасной, а наоборот, признается социально полезной или, по крайней мере, социально нейтральной. Если же сознание и воля человека участвуют в деятельности, посягающей на общественные отношения, то такая деятельность признается общественно опасной. Поэтому подобного рода деяния признаются преступлениями и с ними ведется борьба. Опасность конкретного преступления для общества, следовательно, заключается не только в причиненном объективной вреде обществу и не главным образом в этом, а прежде всего в том, что это конкретное деяние может стать образцом, типичным и в этом выражении способным действительно причинять серьезный вред обществу. Исходя из этого действия невменяемого и лица, не достигшего возраста уголовной ответственности, едва ли можно рассматривать как общественно опасные, поскольку они не содержат признаков человеческой практики, не заключают в себе ценностной ориентации и поэтому не могут служить прецедентом для повторения подобных действий указанными лицами в будущем. Поэтому в данной ситуации совместность деяния предстает в урезанном виде, так как общественно опасными являются только действия годного субъекта, действия же уголовно неответственных лиц, обусловленные поражением сознательно-волевой сферы, таким свойством не обладают. Однако бытующее в отечественной уголовно-правовой доктрине мнение о том, что лиц, не подлежащих уголовной ответственности, нельзя считать действующими, не вполне оправданно. Они действуют и причиняют общественно опасные последствия совместно с субъектом преступления. Весьма часто невменяемые или малолетние самостоятельно совершают общественно опасные деяния, содержащие признаки убийства, изнасилования и других тяжких преступлений. Уголовный закон не признает подобные действия преступлениями, поскольку совершаются они лицами, не подлежащими уголовной ответственности, но закон не относится безразлично к общественно опасным действиям указанных лиц. Например, если невменяемые или малолетние кого-либо пытаются убить или изнасиловать, то с точки зрения уголовного закона у потерпевшего имеются все основания для реализации права на

необходимую оборону. Поэтому закон не может признать не существующим то, что реально имеет место, а именно причинение совместными действиями несубъектов уголовного права реальных общественно опасных последствий, подпадающих под признаки конкретного состава преступления. Подводя итог, следует констатировать, что в такой ситуации совместность деяния должна иметь уголовно-правовое значение, но исключительно для годного субъекта преступления.

Возвратимся к анализу возможности совместности при односторонней субъективной связи. Предположим, субъект не сознает того обстоятельства, что он действует не один. Этот тезис является ущербным в отношении оценки совместности участия в преступлении по соображениям следующего характера. Прежде всего, если субъект обязан сознавать фактическую сторону своего поведения для вменения этого поведения ему в ответственность, то он не может не сознавать, что действует не один. Сознание этого факта входит в знание о конкретном поведенческом акте.

Справедливости ради стоит отметить, что вопреки мнению Н. Г. Иванова никаких серьезных проблем, связанных с реализацией принципа субъективного вменения при допущении односторонней субъективной связи, не существует¹¹⁰. Согласно этому принципу в вину вменяться может лишь то, что охватывалось умыслом лица, совершающего преступление, т. е. исполнителя (при сложном соучастии). Но мы и так вменяем ему в вину конкретное деяние, предусмотренное Особенной частью УК РФ, без ссылки на ст. 33 УК РФ, т. е. как раз то деяние, контуры которого были очерчены в сознании исполнителя. Верным в связи с вышеизложенным является следующее высказывание В. С. Прохорова: «Подобно тому и в силу того, что объективная сторона деяния исполнителя не приобретает при соучастии никаких дополнительных признаков, оставаясь всецело в рамках диспозиции конкретной нормы Особенной части... не приобретает этих дополнений и субъективная сторона его деяния»¹¹¹. Проблема, как уже отмечалось, состоит исключительно в том, что при односторонней связи нет осознания взаимного общественно опасного поведения, а следовательно, нет совместности деяния.

Кроме того, следует обратить внимание еще на один момент, свидетельствующий в пользу признания необходимости установ-

¹¹⁰ Иванов Н. Г. Указ. соч. С. 91—92.

¹¹¹ Прохоров В. С. К вопросу о субъективной стороне соучастия // Вестник ЛГУ. Сер. 6. 1962. Вып. 2. С. 115. См. также: Шаргородский М. Д. Некоторые вопросы... С. 86.

ления многосторонней связи. Если для ответственности за совместное совершение преступления необходимо, чтобы субъект знал о том, что к его деянию присоединяются другие лица или, напротив, он присоединяется к деянию других участников посягательства, то это требование одинаково должно относиться ко всем участвующим в преступлении лицам. Отсюда вытекает единственно вероятное предположение: каждый из участников должен быть осведомлен о том, что действует не один.

Анализируя факт осознания взаимодействия в процессе подготовки или совершения преступления, нельзя не остановиться еще на одном существенном моменте. Суть его заключается в возможности признания общности вины и, следовательно, совместности деяния в неосторожном преступлении, совершенном при участии нескольких лиц. Поскольку о совместности в умышленном деянии довольно много сказано в многочисленных трудах по соучастию в преступлении и в целом изложенное не вызывает критических замечаний, более детального рассмотрения заслуживает кажущийся простым в своей категорической отрицательности вопрос о возможном проявлении совместности в неосторожных преступлениях.

При оценке этого момента необходимо учитывать следующие положения. Прежде всего стоит указать на то, что законодательное определение соучастия в преступлении и действующая уголовно-правовая доктрина последовательно исключают возможность постановки вопроса о такой форме вины участников совместного посягательства, как неосторожность¹¹². И хотя попытки реанимировать вопрос о признании неосторожного соучастия время от времени появляются¹¹³, думается, что они не вполне обоснованны. И не по тому, что при причинении по неосторожности единого преступного результата несколькими лицами отсутствует совместность деяния, требующая специальной уголов-

¹¹² На протяжении достаточно длительного периода времени в отечественной уголовно-правовой науке велась дискуссия о возможности соучастия при совершении неосторожных преступлений и о возможности соучастия по неосторожности (см.: Таганцев Н. С. Указ. соч. С. 870; Колоколов Г. Е. О соучастии в преступлении. М., 1881. С. 50—51; Жиряев А. О стечении нескольких преступников в одном и том же преступлении. Дерпт, 1850. С. 96; Сергеевский Н. Д. Конспект лекций Общей части уголовного права. СПб., 1885. С. 81; Познышев С. В. Указ. соч. С. 385; Курс советского уголовного права / под. ред. А. А. Пионтковского, П. С. Ромашкина, В. М. Чхиквадзе. Т. 2. С. 546; Трайнин А. Н. Учение о соучастии. С. 114.

¹¹³ См., напр.: Трайнин А. Н. Учение о соучастии; Его же. Некоторые вопросы учения о соучастии // Социалистическая законность. 1957. № 2. С. 21—29; Козлов А. П. Соучастие...

но-правовой оценки. В дальнейшем мы попытаемся доказать, что и в неосторожных преступлениях совместность может проявляться. Вопрос в данном случае заключается в терминологии, он не является надуманным, а имеет принципиальное значение. Дело в самом термине «соучастие». Соучастию пытаются придать неосторожный характер. Неосторожная же вина не создает той формы организации совместности преступного поведения, которая необходима именно для соучастия в преступлении¹¹⁴. Это объясняется, в частности, ее конструкцией по закону, воплотившей в себе более чем полуторавековые теоретические изыскания.

При соучастии в преступлении общественная опасность возрастает за счет целенаправленного, совместного в отношении преступного результата деяния, которое рассматривается как предпочтительный вариант реализации конкретной цели. При неосторожном же сопричинении общественная опасность деяния повышается не столь существенно, как при соучастии, а только отражается факт причинения преступного результата совместными усилиями, носящими неосторожный характер. Как справедливо отметила И. М. Тяжкова, «несмотря на очевидную повышенную опасность вреда, причиняемого совокупными действиями (бездействием) неосторожно действующих нескольких лиц, расширение рамок соучастия за счет таких лиц представляется ни теоретически, ни практически не обоснованным. С теоретической точки зрения институт соучастия в таком случае окажется настолько расплывчатым и аморфным, что установить четкие критерии этого института окажется невозможным. С практической точки зрения повышенная степень общественной опасности совместно умышленно действующих лиц будет нивелироваться приравненными к ней по степени опасности неосторожными действиями»¹¹⁵. Однако это не свидетельствует в пользу отказа от дальнейшей разработки института неосторожного сопричинения преступного результата и определения его четких юридических границ, обусловленных совместностью предшествующего преступлению поведения.

Этимологически термин «участвовать» означает иметь долю, часть, пай в деле или быть сотрудником, товарищем, помощником в деле; касаться к чему-либо вещественно или нравственно, быть близким¹¹⁶. Причинять означает быть причиною, причинни-

¹¹⁴ На это обстоятельство справедливо указывает Л. Д. Гаухман (Гаухман Л. Д. Указ. соч. С. 11).

¹¹⁵ Тяжкова И. М. Неосторожные преступления с использованием источников повышенной опасности. СПб., 2002. С. 54.

¹¹⁶ Даль В. И. Указ. соч. Т. 4. С. 871.

ком чего-либо; делать, творить, соделывать, учинять, чинить, производить¹¹⁷. Таким образом, соучастие и сопричинение в качестве смыслового и содержательного акцента, как представляется, опираются на абсолютно различные основания совместности: соучастие — на субъективные, сопричинение — на объективные. Действительно, традиционное понимание соучастия в преступлении в качестве своей основополагающей цели предполагает реагирование на преступную деятельность какого-либо образования путем установления ответственности всех, кто каким-нибудь образом содействовал этой преступной деятельности. При неосторожном сопричинении преступного результата речь идет совершенно о другом, абсолютно противоположном явлении — об обеспечении нормальной деятельности, как правило, социально ценного или, по меньшей мере, социально нейтрального коллектива. А это связано с привлечением к ответственности тех лиц, которые должны были своим поведением (активным или пассивным) содействовать недопущению наступления общественно опасных последствий каких-либо просчетов в различного рода совместной деятельности, как в бытовой, так и в производственной сфере. Верно отметила И. М. Тяжкова: «Субъективным основанием включения в УК института неосторожного сопричинения является то, что в условиях НТР даже самые незначительные нарушения правил предосторожности могут вызвать значительные отклонения в технологическом процессе, в функционировании различного рода систем. Эти последствия могли и должны были быть осознаны в момент нарушения субъектами установленных правил предосторожности»¹¹⁸. В целом же интерес к этой проблеме случайным или надуманным не является¹¹⁹. Он вызван ростом «бытовой» неосторожной преступности, частыми катастрофами, авариями, связанными с просчетами и ошибками лиц, управляющих разнообразными техническими системами.

Поэтому вопрос о легализации данного института является важным, однако остается до сих пор открытым. Основная проблема при уголовно-правовой оценке такого неосторожного поведения нескольких субъектов уголовной ответственности состоит в том, что, по мнению многих ученых, в неосторожном сопри-

¹¹⁷ Там же. Т. 3. С. 770.

¹¹⁸ Тяжкова И. М. Указ. соч. С. 58.

¹¹⁹ См., напр.: Гринберг М. С. Технические преступления. Новосибирск, 1991. С. 84; Харитонова И. Р. Неосторожное сопричинение в советском уголовном праве: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Свердловск, 1985. С. 1—2; Галиакбаров Р. Р. Квалификация многосубъектных преступлений без признаков соучастия. Хабаровск, 1987. С. 65.

чинении отсутствует совместность поведения участников деяния, что лишает данное уголовно-правовое явление необходимости в самостоятельном урегулировании. Так, в юридической литературе утверждается, что неосторожная вина всегда исключает осведомленность лиц, причинивших результат, о совместном совершении преступления¹²⁰. Основным тезисом выступает положение о том, что неосторожно действующее лицо по самой сути неосторожности не может нести ответственность за совместность его действий с другими, поскольку связь между участниками в такого рода случаях имеет исключительно объективный характер, а виновность каждого сохраняет свою индивидуальность. С довольно обстоятельной критикой неосторожности как возможной формы вины при соучастии, и в частности при соучастии со смешанной формой вины, выступил П. Ф. Тельнов. По его мнению, «неосторожность не позволяет наметить определенные границы уголовной ответственности за объективно связанное поведение двух или более лиц...»¹²¹.

Для начала следует еще раз отметить одно существенное обстоятельство. Согласно психологической теории вины каждое общественно опасное и противоправное деяние, совершенное вменяемым лицом, считается волевым и сознательным. А всякое волевое и сознательное деяние мотивировано и целенаправленно, т. е. совершается по определенному мотиву и для достижения конкретной цели. Именно это объединяет все виды преступлений с различными формами и видами вины. В зависимости от вида вины меняется лишь степень «охвата» наступивших последствий мотивацией и целеполаганием субъекта. И. Лекшас справедливо заметил: «Цель, которую виновный в конкретном случае сознательно преследовал, если рассматривать ее изолированно, в большинстве случаев не является преступной»¹²². С другой стороны, как писала Т. В. Церетели, «объем результатов поступка человека намного шире, чем тот результат, который содержится в цели лица»¹²³. П. С. Дагель и Д. П. Котов говорят «о несовпадении или относительном совпадении цели и результата»¹²⁴. Данную относительность они объясняют тем, что даже если результат и совпадает с целью, полностью этот результат имеет несколько иное содержание и находится за пределами намерений

¹²⁰ См., напр.: Бородин С. В. Еще раз о соучастии // Социалистическая законность. 1957. № 12. С. 19 ; Тельнов П. Ф. Указ. соч. С. 55 и др.

¹²¹ Тельнов П. Ф. Указ. соч. С. 55.

¹²² Лекшас И. Вина как субъективная сторона деяния. М., 1958. С. 67.

¹²³ Церетели Т. В. Причинная связь в уголовном праве. М., 1963. С. 26.

¹²⁴ Дагель П. С., Котов Д. П. Указ. соч. С. 184.

того или иного субъекта¹²⁵. В этих своеобразных «ножницах» и находится ответ на вопрос о том, вероятна ли совместность деяния в неосторожном преступлении.

Содержанием общего результата совместного преступного деяния довольно часто является не только полагаемое, не только заранее предвидимое, но, кроме того, и еще «нечто иное, нечто такое, что не входило в операции взаимоопределения цели и средства и оказалось поэтому не предусмотренным содержанием деятельности»¹²⁶.

Несовпадение направленности желания (мотива) и различных объективных признаков деяния с его последствиями — постоянный спутник любого человеческого поведения, в том числе и совместного, независимо от того, является оно правомерным или нет, умышленный или неосторожный характер оно носит и т. д. В каждом преступлении имеется своеобразная «вилка» отношений к различным обстоятельствам и последствиям, его характеризующим. Только одни признаки в силу своих свойств имеют уголовно-правовое значение, а другие нет. Действие (бездействие), если рассматривать его абстрактно, по справедливому замечанию В. В. Лунеева, «вне правовых установлений, не только в умышленном, но и в неосторожном деянии, как правило, условно говоря, является “умышленным”».¹²⁷ Сущностные различия заключены в соотношении мотивации и целеполагания субъекта с уголовно значимыми признаками, обстоятельствами и последствиями. Действительно, не вызывает каких-либо сомнений, что умышленное поведение в направлении соответствующего желаемого результата вполне может являться неосторожным относительно другого, побочного результата¹²⁸. Более того, можно с уверенностью констатировать тот факт, что одно и то же поведение одновременно может быть и умышленным, и неосторожным относительно различных результатов деяния. В этих случаях волевой поведенческий акт также присутствует и не может быть немотивированным и нецеленаправленным. Как справедливо было отмечено В. В. Лунеевым, «нежелание одного предполагает желание иного, мотивацию иного содержания, реализация которой осуществляется с побочными нежелательными и даже непредвиденными последствиями»¹²⁹. Собственно говоря, факт

¹²⁵ Там же.

¹²⁶ Трубников Н. Н. Указ. соч. С. 123.

¹²⁷ Лунеев В. В. Указ. соч. С. 54.

¹²⁸ На это обстоятельство верно указал А. П. Козлов (Козлов А. П. Соучастие... С. 38, 54).

¹²⁹ Лунеев В. В. Указ. соч. С. 22.

неполного совпадения цели и результата далеко не новый. Он был хорошо известен еще Аристотелю, который рассматривал следующий случай. Человек пришел на рынок приобрести или продать что-либо. Здесь он неожиданно встречает старого должника и получает долг. Ясно, что, идя на рынок, он вовсе не имел в виду получить этот долг. Но вместе с тем ясно и то, что сама возможность столь неожиданного результата содержалась в действиях этого человека, хотя и не была предусмотрена заранее. Отсюда Аристотель сделал вывод, что человек, действуя для реализации некоторой цели, «по совпадению» достигает и некоторых других «целей», заранее не предвиденных и неожиданных¹³⁰. Конечно, пример, рассмотренный Аристотелем, достаточно прост, так как по совпадению часто достигаются несколько иные результаты, не такие приятные, как взыскание старого и забытого долга. Эти последствия нередко оказываются негативными и даже в ряде случаев общественно опасными. В качестве дополнения заметим, что, рассматривая результат человеческой деятельности в целом, Гегель писал, что «во всемирной истории благодаря действиям людей вообще получаются еще и несколько иные результаты, чем те, к которым они стремятся и которых они достигают, чем те результаты, о которых они непосредственно знают и которых они желают; они добиваются удовлетворения своих интересов, но благодаря этому осуществляется еще и нечто дальнейшее, нечто такое, что скрыто содержится в них, но не осознано ими и не входило в их намерения».¹³¹

Разумеется, во времена Аристотеля такое несовпадение цели и результата не могло быть столь значительным, как в настоящее время, когда виды и масштабы человеческой деятельности, как, собственно, и уровень ее воздействия на предметы внешнего мира, неизмеримо возросли. Однако если факт несовпадения цели и результата и не является новым, его интерпретация в отечественном уголовном праве до сих пор была далеко не безупречной. Надо заметить, что по большей части это несовпадение рассматривается скорее как нечто не связанное или слабо связанное с самой совместной деятельностью, как нечто вызванное в значительной мере внешними обстоятельствами такого рода деятельности.

Рассмотренные выше положения применительно к совместному совершению преступления могут быть подтверждены следующими соображениями.

¹³⁰ Трубников Н. Н. Указ. соч. С. 117.

¹³¹ Гегель Г. В. Ф. Сочинения. М., 1934. Т. 7. С. 27.

Во-первых, психологически поведенческий акт при неосторожной форме вины практически ничем не отличается от действий при умышленной форме вины. Имеющиеся различия носят в большей степени не психологический, а исключительно формально-нормативный характер. Такое положение обусловлено тем, что именно от воли законодателя зависит, какие побочные общественно опасные последствия считать неосторожно-преступными, а какие нет. Совершаемые субъектами (даже осознанно) совместные действия сами по себе (без преступных последствий) безразличны для уголовного права. В соответствующий момент сопричинители вреда не сознают уголовной противоправности этих действий, поэтому сам факт совершения преступления фиксируется сознанием виновных уже после наступления вредных последствий¹³². Поэтому только в связи с этим становится юридически значимым и психическое отношение субъекта к этим последствиям. По своей же психологической сути само деяние, как верно отметил применительно к небрежности В. В. Лунеев, — «мотивированное и целенаправленное, волевое и сознательное»¹³³. Указанное обстоятельство позволяет констатировать, что умышленные и неосторожные деяния различаются степенью соотнесения мотива и цели совершения деяния с наступившими преступными последствиями. И кроме того, они различаются степенью осознания имеющихся последствий, мотивами и целями совместной деятельности виновных. В психологическом же плане может меняться только содержание мотивации, а не структура поведенческого акта как такового.

Во-вторых, анализ совместной деятельности с точки зрения целеполагания позволяет более конкретно и полно понять источники ее дополнительных результатов. Это может быть осознано путем сопоставления тех знаний, с которыми совместно действующие лица приходят к результату совершаемого деяния, с теми знаниями, с которыми они начали реализовывать это деяние. И тогда результат деятельности может быть разбит на две различные по содержанию области: область совпадения цели и результата и область их несовпадения¹³⁴. Результат совместного деяния, таким образом, может быть как желательным, так и нежелательным. Возможны различные варианты: а) участники дея-

¹³² Галиакбаров Р. Р. Групповое преступление. М., 1970. С. 91.

¹³³ Лунеев В. В. Указ. соч. С. 44. См., также: Дагель П. С. Неосторожность: уголовно-правовые и криминологические проблемы. М., 1977. С. 59—60; Зелинский А. Ф. Осознаваемое и неосознаваемое в преступном поведении. Харьков, 1986. С. 117.

¹³⁴ См. подробнее: Трубников Н. Н. Указ. соч. С. 138.

ния добились желаемого результата и никаких нежелательных последствий не наступило (цель реализована полностью); б) участники деяния не достигли желаемой цели или достигли ее отчасти (цель невыполнена); в) наряду с желаемым результатом или же вообще вместо него для участников деяния наступили и нежелательные последствия. Последняя ситуация вызывает особый интерес и требует подробного освещения.

Действительный результат целенаправленной совместной деятельности, как результат отдельного ее акта, так и результат деятельности в целом, может быть тождественным поставленной цели лишь постольку, поскольку средство определения цели тождественно средству ее реализации. Причем тождественно в той мере, в какой средство реализации цели реально принимает участие в акте достижения результата совместного деяния. Результат деятельности будет необходимо отличаться от поставленной субъективной цели постольку, поскольку средство определения цели отличается от средства реализации цели¹³⁵. И если понятием участников деяния не охватывается вся полнота реального предмета деяния (что, как свидетельствует судебная практика, нередко и происходит), то действительный результат их деятельности необходимо будет отличаться от заранее поставленной цели, а потому субъективная цель и результат ее реализации, конечно же, не могут совпадать полностью. В практическом смысле это соотношение цели и результата выражается в том, что действительным результатом деяния оказывается не совсем то, а зачастую и совсем не то, что предполагалось его участниками. Это всегда не вполне тот, а часто и вполне не тот результат, который был предположен и на который рассчитывали эти лица. Показательным примером может служить следующий казус.

Являясь производителем работ, Есипенко 11 января 1973 г. дал задание группе строителей, не имевших права работать на высоте, разобрать неинвентарные деревянные леса, установленные на крыше пристройки строящегося объекта и не укрепленные у стены здания. При этом он не проинструктировал рабочих по правилам техники безопасности, не ознакомил их с возможными сложностями при разборке лесов, последовательностью демонтажа и способом разборки, ушел с данного участка работ по другим делам, работой по демонтажу лесов не руководил. В его отсутствие строители нарушили правила работ по разборке лесов: сняли откосы и вместо поэлементной разборки стали целиком валить их вниз. При падении лесов конструкциями были причинены телесные повреждения и ушибы строителям, участвовавшим в их демонтаже.

Есипенко поручил разборку лесов плотникам К. и Д., которые ранее неоднократно выполняли такую работу и были знакомы с правилами ее производства и

¹³⁵ Гегель Г. В. Ф. Сочинения. М., 1929. Т. 1. С. 320.

необходимыми при этом мерами безопасности. Другим же строителям он поручил оказать им помощь, работать на высоте не предлагал. К. и Д. в присутствии Есипенко обозначили поэлементную разборку лесов, а когда он отлучился с места работы на расстояние 10—15 метров, то Д. и другие строители с согласия К., без ведома Есипенко, нарушили правила техники безопасности: сняли сразу все откосы стоек, лишив леса устойчивости, свалили их вниз и при этом сами пострадали. В нарушении правил техники безопасности при производстве работ виновны и другие должностные лица, которые не проверяли знание подчиненными правил техники безопасности, не предъявляли должной требовательности к прорабам и мастерам в вопросах организации работ с повышенной опасностью. Есипенко, являясь производителем работ, нарушил ряд требований строительных правил, что и повлекло тяжкие последствия. В соответствии с этими правилами Есипенко обязан был направить на разборку лесов специально обученных лиц, предварительно проинструктировать их по технике безопасности на рабочем месте, ознакомить с возможными опасностями, последовательностью и способами демонтажа, а также лично руководить разборкой лесов. Невыполнение им перечисленных выше требований повлекло за собой грубое нарушение правил разборки лесов и причинение при этом четырем человекам телесных повреждений, в том числе одному — тяжких, опасных для жизни. Указанные действия Есипенко были оценены как преступление, предусмотренное ч. 2 ст. 215 УК РСФСР (ст. 216 УК РФ)¹³⁶.

Предполагаемый и желаемый результат совместной деятельности указанных лиц — разобранные неинвентарные деревянные леса (а он наступил) дополнился еще одним — причинением нескольким потерпевшим вреда здоровью различной степени тяжести.

Несовпадение цели и результата совместного деяния, нежелательные последствия чаще всего являются результатом несовпадения волевого поведения лиц, участвующих в процессе осуществления деятельности¹³⁷. Часто это несовпадение рассматривается и как следствие несовершенства самой цели совместного деяния, допустим, совместное сбрасывание человека с моста с целью научить его плавать. Только анализ соотношения цели, средства и результата и, прежде всего, анализ самого средства, в качестве которого выступают взаимосвязанные деяния нескольких лиц, а также его двойственной роли в акте совместной деятельности позволяет обнаружить более серьезные основания того факта, что результат деятельности лишь до некоторой степени и лишь в некоторых пределах, далеко не безграничных, может соответствовать цели совместно действующих лиц.

¹³⁶ Определение Военной коллегии Верховного Суда СССР от 24 апреля 1973 г. по делу Есипенко В. В. // Бюллетень Верховного Суда СССР. 1973. № 5. С. 35—36.

¹³⁷ См. подробнее: Волков А. М., Микадзе Ю. В., Солнцева Г. Н. Деятельность: структура и регуляция. М., 1987. С. 111.

Соотношение цели, средства и результата в совместном деянии развертывается в действительности в более сложную систему, центральным звеном которой как раз и является соотношение двух моментов самого средства: средства определения и средства реализации цели. В тех случаях когда эта двойственность средства не выявляется, соотношение цели, средства и результата не раскрывает своего настоящего характера и может рассматриваться только в форме абстракции от цели к результату, через особый промежуточный термин — средство. Поэтому и результат совместного деяния может быть взят лишь в той связи, которая соединяет его с целью, а не со средством, оказывающимся в данном случае чем-то несущественным, послужившим только определению цели, отождествлению цели и результата. В этом случае соотношение цели и средства представляет собой внешнее отношение, и мы, по существу, утрачиваем возможность проследить дальнейшую связь результата деятельности с самим процессом этой деятельности. Выступая только лишь в связи с целью, результат совместной деятельности может быть воспринят как продукт субъективной цели¹³⁸, но не как продукт объективного процесса ее реализации. Он может быть взят, таким образом, не в своем собственном содержании и смысле, которые определяются не субъективной целью самой по себе, а взаимодействием реальных средств и лишь в том содержании, которое соответствует цели. В этом случае результат совместного деяния оказывается совершенно чуждым самому процессу деятельности, чем-то более или менее соответствующим цели и независимым от реализации этой цели.

В свете изложенного довольно важным является исследование результата совместной деятельности в его отношении к цели этой деятельности.

Весьма интересным в этой связи представляется дело, рассмотренное Пермским областным судом.

Тереханова и ее сын Тереханов были осуждены по ст. 106 УК РСФСР (ст. 109 УК РФ) на два года лишения свободы с отсрочкой исполнения приговора сроком на два года.

Преступление этими лицами было совершено при следующих обстоятельствах. Тереханова и ее сын с целью обеспечения охраны принадлежащего им сада-огорода от проникновения посторонних протянули по забору оголенную алюминиевую проволоку. По просьбе матери Тереханов подвел из дома к забору изолированный провод, один конец которого подсоединил к этой оголенной проволоке, а другой подготовил для включения в электросеть с напряжением

¹³⁸ О чем писал А. П. Козлов, давая определение общего преступного результата (Козлов А. П. Соучастие... С. 39—40).

220 вольт. Тереханова на ночь систематически включала изготовленную сыном систему охраны. 26 июля 1993 г. вечером Тереханова, как обычно, подключила провод к электрической сети. Около 23 часов В., проходивший в нетрезвом виде мимо огорода Терехановых, дотронулся до этого провода. Получив удар электрическим током, он на месте происшествия скончался.

Из материалов уголовного дела усматривается, что Терехановы подключили провод, огораживающий забор, к одной фазе, после чего проверили действие тока на себе, вывесили объявление и неоднократно предупреждали подростков, что проволока под напряжением. Огород Терехановых выходил на берег реки, где постоянно в летнее время собирались для купания отдыхающие, которые часто находились в нетрезвом состоянии. Между Терехановыми и отдыхающими часто возникали конфликты, в связи с чем осужденные и изготовили провололочное ограждение, которое подключили в одну фазу к электросети с напряжением 220 вольт.

Тереханова являлась преподавателем физики, поэтому была хорошо осведомлена о поражающих свойствах изготовленного провололочного ограждения. Тереханов, окончив профессионально-техническое училище, получил специальное образование мастера ткацкого оборудования и среднее специальное образование, в связи с чем также знал о действии электротока на человека.

В судебном заседании Тереханова пояснила, что утром они отключали ток в провололочном ограждении, поскольку днем могло убить человека, так как около огорода ходило много людей. Тереханов также показывал, что знал о том, что электрический ток с напряжением 220 вольт может убить человека¹³⁹.

Таким образом, в данном случае имеет место совместность поведения нескольких лиц по отношению к достижению того результата, который являлся для них целью деятельности — обеспечение безопасности своего сада-огорода и предотвращение хищений. Каждое входящее в эту систему деяние имеет свой психологический механизм и обладает определенной самостоятельностью. Однако в то же время они объединены общей структурой совместной деятельности и в рамках этой общей структуры должны приобретать особое уголовно-правовое значение. Общественно опасный результат является следствием всей деятельности и не может быть привязан только к одному из образующих ее поведенческих актов.

Следовательно, лица, причинившие преступный результат по неосторожности, вполне могут быть осведомлены о совместном характере выполняемых ими функций, вызвавших наступление преступного результата. Это находит свое подтверждение в том, что, допустим, осознание совместного характера той или иной

¹³⁹ Судебная практика к Уголовному кодексу Российской Федерации / под общ. ред. В. М. Лебедева. М., 2001. С. 530—533. Применительно к этому казусу, как представляется, необходимо еще обсуждать вопрос о констатации косвенного умысла на совершение убийства. Из имеющихся материалов сделать такой вывод со всей однозначностью невозможно.

деятельности по управлению сложными технологическими процессами, механизмами и т. д. зачастую предусматривается нормативно в соответствующих инструкциях и положениях. Причем в некоторых случаях неосторожного деяния такого рода один из его участников несет ответственность как раз за то, что не контролировал или не подстраховал (что он должен был сделать по инструкции) деяния другого участника и тем самым допустил наступление преступного результата, который в данном случае выступает как совместно причиненный. В уголовно-правовой литературе неоднократно отмечалось, что в некоторых формах неосторожного сопричинения все участники предвидят возможность наступления преступных последствий именно совместного поведении, и даже в деталях, и несут ответственность за то, что не сумели совместными усилиями их предотвратить (не согласовали своих действий, не предприняли необходимых совместных действий)¹⁴⁰. Проведенный анализ материалов уголовных дел показал, что в 86% случаев расчет на ненаступление преступного результата был основан на взаиморасчете каждого из участников деятельности на надлежащее поведение друг друга. Кстати говоря, вопрос о допустимости возможности причинения по неосторожности преступных последствий как побочного результата совместной деятельности не вызвал шока и резкого неприятия среди правоприменителей. Большинство из них (71%) посчитали такую ситуацию вполне возможной, однако неразрешимой с точки зрения действующего уголовного закона.

Таким образом, при наличии одного преступного последствия в поведении каждого сопричинителя могут быть признаки неосторожной вины, причем налицо будет и осознание взаимосвязанного характера деяния, вызвавшего единый преступный результат. Указанные обстоятельства не могут не приниматься во внимание при установлении предметного содержания вины каждого из сопричинителей.

Этот вывод находит практическое подтверждение. В неосторожном преступлении, совершаемом совокупными усилиями нескольких лиц, механизм этот выглядит следующим образом. Имеет место взаимодействие между субъектами — участниками деяния, которое направлено на достижение социально полезного или, по крайней мере, социально нейтрального результата. Соответственно в качестве содержания цели выступает достижение именно этого результата. Однако при несоответствии содержа-

¹⁴⁰ Харитонов И. Р. Указ. соч. С. 12 ; Галиакбаров Р. Р. Квалификация многосубъектных преступлений... С. 79.

нию деятельности средств ее реализации — конкретных действий (бездействия) участников, цель и результат либо вообще не совпадают, либо совпадают частично. Это влечет за собой наступление последствий, хотя и выходящих за рамки целеполагающей совместной деятельности, однако тем не менее предвидимых всеми ее участниками.

Таким образом, своеобразие предметного содержания неосторожной вины в совместном деянии заключается в том, что она устанавливается только в связи с наступлением конкретного преступного результата и всегда в ретроспективе. Для ее уяснения требуется определить два уровня обстоятельств: во-первых, наличие показателей неосторожной вины каждого из причинителей преступного результата, предусмотренных ст. 26 УК РФ; во-вторых, наличие осознания совместности деяния, приведшего к наступлению общего для всех участников преступного последствия.

Завершая рассмотрение вопроса о возможности совместности поведения в неосторожных преступлениях, следует обратить внимание на еще один немаловажный момент. Суть его заключается в ответе на вопрос о том, может ли присутствовать совместность при различных формах вины участников посягательства.

Как представляется, отсутствие единой формы вины во многих случаях означает и отсутствие особой формы ответственности за совместно совершенное преступление. Даже весьма последовательный сторонник возможности соучастия в неосторожном преступлении А. Н. Трайнин считал, что при различных формах вины действия нескольких лиц при совершении общественно опасного деяния не могут образовать соучастия, как не могут комбинировать формы виновности (склоняющий к преступлению или помогающий преступлению действует умышленно, а совершитель преступления — неосторожно или, наоборот, склоняющий и помогающий преступлению действуют неосторожно, а совершитель — умышленно). Соучастие в этом случае невозможно, ибо здесь нет основного момента соучастия — единства преступного действия, немыслимого, по его мнению, при отсутствии единой формы виновности¹⁴¹. А. Н. Трайнин абсолютно прав, поскольку, как видно из представленных ранее выводов, в данном случае нет совместности деяния, направленного на достижение единого результата: отсутствует взаимодействие, направленное на достижение единого результата путем совершения преступления. Именно в силу данного обстоятельства соучастия при различных формах вины быть не может. Однако это еще не говорит

¹⁴¹ Трайнин А. Н. Учение о соучастии. С. 68.

в пользу того, что в данной ситуации нет совместности причинения единого результата. Если объективно существование подобных случаев не вызывает сомнения, то их юридическая конструкция требует, чтобы она соответствовала общим принципам и положениям отечественного уголовного права. Так, принцип индивидуальной ответственности, из которого исходит уголовное право, предполагает с неизбежностью, что каждый отвечает за то, что он сделал, и его деяние квалифицируется по статье закона, предусматривающей состав, в котором он виновен. Это является основанием того, почему никогда не может быть неосторожного соучастия в умышленном преступлении, поскольку при такой квалификации лицо, виновное в неосторожном деянии, должно было бы отвечать за умышленное преступление¹⁴². Поэтому неосторожно действующий в этом случае либо вообще не отвечает, либо отвечает за свое деяние, а умышленно действующий отвечает за свое — по разным статьям УК РФ. Они не являются соучастниками в понимании ст. 32 УК РФ. Но если субъективное отношение лиц, совместно совершивших преступление, к действию и к результату одинаково: умышленное или неосторожное, то нет никаких принципиальных оснований для отрицания совместности деяния. Поэтому нуждаются в специальной законодательной регламентации такие ситуации, когда опосредованное совершение преступления выражается в использовании лиц, способных нести уголовную ответственность и действующих неосторожно. Например, убийца подменяет ампулы в коробке с лекарствами на средства, которые могут привести к смерти больного, а медсестра, не обратив внимания на другую маркировку, делает пациенту инъекцию, вызвавшую смерть¹⁴³.

Некоторое внимание хотелось бы уделить рассмотрению вопроса о характере предвидения наступления общего преступного результата. Здесь следует обратить внимание на следующие обстоятельства. Прежде всего, следует сделать замечание касательно того, что характер предвидения имеет определенные специфические качества. Предвидение как конструктивная часть формулы вины в материальных составах означает мысленное представление лица о последствиях, которые могут наступить в результате совершенного деяния. Прогнозируемые последствия могут быть самыми разнообразными, ближайшими и отдаленными, юридически значимыми или нет. Предвидение возможных последствий

¹⁴² На это указывал еще М. Д. Шаргородский (Шаргородский М. Д. Некоторые вопросы... С. 88—89).

¹⁴³ На эту ситуацию обращает внимание С. Ф. Милуков (Милуков С. Ф. Указ. соч. С. 79).

и развития причинной связи их возникновения, как правило, осуществляется на интуитивном практическом уровне, хотя при совершении некоторых преступлений (например, преступлений в сфере взаимодействия человека и техники) возможно применение и методов научного прогнозирования. Однако в любом случае от виновного не требуется осознания всех деталей механизма причинной связи. Для констатации наличия рассматриваемого элемента вины достаточно, чтобы лицо в общих чертах предвидело наступление юридически значимых последствий как результата своих действий или бездействия. Ошибка предвидения отражается на вине субъекта. Он должен нести ответственность в рамках фактически содеянного и в пределах субъективного вменения.

Противниками признания совместности деяния в неосторожных преступлениях выдвигается положение, согласно которому если субъект не предвидит последствий собственных опасных поступков, хотя должен был и мог их предвидеть, тем более нельзя ожидать от него, что он сможет проявить еще большую предусмотрительность и предотвратит последствия, наступающие в результате неосторожной деятельности других лиц. Это положение справедливо, но для признания факта совместности оно не играет никакой роли. Действительно, как показывает практика, в неосторожном сопричинении преступного результата распространены такие ситуации, когда лицо самонадеянно рассчитывает на ненаступление общественно опасных последствий именно благодаря надлежащим деяниям других лиц, совместно участвующих в этой деятельности. Зачастую это обусловлено особенностями технологического процесса, построение которого основывается на учете того обстоятельства, что просчет одного из его участников должен исправляться или же компенсироваться действиями другого¹⁴⁴. Однако совместность в данном случае проявляется в стремлении к достижению другого результата как основного. Показателен в этом отношении следующий казус.

Мурманским областным судом Б. и Г. были осуждены по ч. 1 ст. 85 УК РСФСР (ч. 1 ст. 263 УК РФ). Они были признаны виновными в нарушении правил безопасности движения и эксплуатации транспорта, совершенном при следующих обстоятельствах. Дизельный механик рефрижератора Управления «Северьбхолодфлот» Б., заступив на суточную вахту в машинно-котельном отделении, не контролировал несение вахтенной службы. Отсутствие контроля со стороны вахтенного механика повлекло ненадлежащее несение вахтенной службы подчиненными ему лицами: старший машинист котельной Г. покинул свой пост, оставив действующие паровые котлы без присмотра. Это привело к повреждению одного из них. Был причинен материальный ущерб на сумму 10 902

¹⁴⁴ См., напр.: Шеннон К. Работы по теории информации и кибернетике. М., 1963. С. 110; Пушкин В. Г. Проблема надежности. М., 1971. С. 33.

р. Приговор суда в части взыскания материального ущерба гласил: Б. и Г. хотя и осуждены по одному делу, но их действия не расценены как умышленные. Содействия друг другу в причинении ущерба они не оказывали. Если ущерб был причинен в результате неосторожных действий осужденных, допущенных ими при выполнении трудовых обязанностей, то к ним следует применить принцип долевой ответственности с учетом степени вины каждого¹⁴⁵.

И последнее, характеризуя волевою сторону вины, необходимо обратить внимание, что она может выражаться в желании либо сознательном допущении наступления последствия совместного поведения или нежелании наступления общественно опасных последствий при легкомысленном расчете на их предотвращение, а также неосознании, непредвидении, когда лицо должно было и могло предвидеть наступление такого рода последствий.

Желание или нежелание наступления общественно опасных последствий теория уголовного права традиционно относит к волевому моменту. В действительности этот, как уже говорилось, мотивационно-волевой момент является неразрывным. Желание достичь прогнозируемых общественно опасных последствий или иное желание, осуществление которого оказалось невозможным без наступления предполагаемых общественно опасных последствий, представляют разновидности мотивов любых умышленных преступлений. Это вполне естественно, поскольку воля без мотивов и целей нереализуема. Волевые действия вменяемого лица всегда мотивированы и целенаправленны. Поэтому только установление реальных мотивов и целей способно выявить, желал ли субъект наступления общественно опасных последствий, или они были для него средством реализации других желаний.

Стоит отметить, что одни последствия могут быть указаны в уголовном законе, а другие нет. Однако даже в перечне последствий, перечисленных в законе, одни для субъекта могут быть желательными, другие хотя и нежелательными, но вполне допустимыми, третьи являются нежелательными, но непредвидимыми, четвертые — не только нежелательными, но и непредвидимыми и неожиданными. Поэтому даже в преступлениях, совершаемых по прямому умыслу, когда мотивация виновных охватывала собой все предусмотренные законом последствия, она не является всеобъемлющей. Из нее выпадает довольно существенная часть реально наступивших, но непредвиденных и даже нежелательных для виновных последствий. При косвенном умысле этих несоответствий больше, при легкомыслии — еще больше, а при небрежности — вообще нет совпадений между мотивацией субъек-

¹⁴⁵ Бюллетень Верховного Суда СССР. 1978. № 8. С. 13. См. также: Бюллетень Верховного Суда СССР. 1978. № 3. С. 11.

ектов и наступившими последствиями. Исходя из этого можно предположить, что действительную основу психического отношения к общественно опасным последствиям в неосторожном сопричинении преступного результата при самонадеянности составляет только интеллектуальный момент, включающий и осознание совместности деятельности. Воля по отношению к ним бездействует, хотя само поведение участников совместного деяния волевое, но мотивированное на достижение других, зачастую социально полезных или социально нейтральных результатов. При небрежности нет не только волевых усилий, направленных на причинение общественно опасных последствий, но и осознания возможности их наступления, т. е. здесь отсутствуют и волевой и интеллектуальный моменты. А это значит, отсутствует и действительное психическое отношение каждого из участников деяния к общественно опасным последствиям. Такое состояние, как справедливо отметил В. В. Лунеев, можно охарактеризовать как «бездействие психики к общественно опасным, но побочным последствиям, так как возможность — не действительность»¹⁴⁶.

При соучастии в преступлении как одной из наиболее распространенных форм совместного преступного деяния в оценке волевого отношения соучастников к своей деятельности существуют определенные проблемы. В судебно-следственной практике довольно часто возникают ситуации, когда совершаемое исполнителем преступление по неосторожности влечет за собой последствия, которые не ожидаются не только соучастниками, но и самим исполнителем преступления. Речь идет о преступлениях с двумя формами вины. При уголовно-правовой оценке таких ситуаций, как представляется, нужно учитывать некоторые особенности умысла соучастников. Специфика состава преступления, выполняемого в соучастии, обусловлена тем, что к деятельности исполнителя примыкает деятельность иных лиц (организаторов, подстрекателей, пособников). В связи с этим структура умысла соучастников имеет несколько усложненный характер. Попытаемся проанализировать это на примере подстрекателя. Интеллектуальный элемент умысла подстрекателя состоит из сознания общественной опасности собственных подстрекательских действий, направленных на возбуждение желания у лица совершить определенное преступление, отсюда вытекает и сознание общественно опасного характера действий исполнителя, подстрекатель предвидит и то, что в результате преступных действий исполнителя наступит или может наступить определенный результат. Подстрекатель предвидит также и то, что преступление со-

¹⁴⁶ Лунеев В. В. Указ. соч. С. 44.

вершается исполнителем именно в результате его подстрекательских действий, т. е. происходит как бы объединение его усилий с усилиями исполнителя, направленными на достижение вполне конкретного преступного результата.

Что касается волевого элемента умысла соучастника, то здесь нужно учитывать следующее. Прежде всего, необходимо определить, что служит объектом волевого отношения в умысле соучастника (организатора, подстрекателя, пособника) — преступный результат деяния, совершаемого исполнителем, или сам факт объединения его действий с действиями исполнителя. Г. И. Злобин и В. С. Никифоров считали, например, что разграничение прямого и косвенного умысла по волевому отношению к преступному результату не может быть признано существенным для решения вопроса об ответственности за соучастие¹⁴⁷. А. И. Рарог же пишет о том, что вид умысла соучастника должен определяться волевым отношением к факту объединения преступных действий, т. е. к факту, выражающему юридическую сущность соучастия. Присоединиться к сообще совершаемому преступлению, по его мнению, возможно только по собственному желанию¹⁴⁸. Представляется, что при определении волевого элемента умысла соучастников необходимо руководствоваться следующими моментами. Во-первых, следует определить волевое отношение соучастника (организатора, подстрекателя, пособника) к своим действиям. Во-вторых, следует выявить отношение его к действиям предполагаемого исполнителя преступления. И в-третьих, установить отношение к общественно опасному результату, наступившему в результате действий исполнителя преступления¹⁴⁹.

Что касается волевого отношения соучастников к своему деянию, то оно характеризуется только желанием совершения своих собственных действий. Если же рассматривать волевой элемент умысла конкретного соучастника по отношению к действиям исполнителя, то в данном случае в зависимости от характера участия в совершении преступления (т. е. от роли в соучастии) может иметь место как прямой, так и косвенный умысел. Например, возбуждая желание совершить определенное преступление, подстрекатель может желать его совершения, а может сознательно

¹⁴⁷ Злобин Г. А., Никифоров В. С. Умысел и его формы. М., 1972. С. 88.

¹⁴⁸ Рарог А. И. Проблемы субъективной стороны преступления. С. 82.

¹⁴⁹ Сходную точку зрения можно встретить у А. Ф. Зелинского, который считает, что вид умысла при соучастии определяется отдельно применительно к совершаемому исполнителем действиям и наступившим в результате этих действий преступным последствиям. (Зелинский А. Ф. Соучастие в преступлении : лекция. Волгоград, 1971. С. 9—11).

это допускать или безразлично относиться к тому, будет это преступление совершено или нет. Интересен в этом отношении следующий пример.

С., воспользовавшись тем, что несовершеннолетний И., с которым он поддерживал дружеские отношения, был должен ему некоторую сумму денег, предложил последнему вернуть долг. И., ссылаясь на отсутствие денег, отказался сделать это. Тогда С. объявил, что ему совершенно безразлично, где И. возьмет деньги, хотя бы и украдет. «Тем более у отчима нашего общего знакомого в квартире есть деньги», — добавил С.¹⁵⁰

И, наконец, третий, заключительный момент, характеризующий форму вины соучастников — это их отношение к общественно опасному результату деяния, совершенного исполнителем. В данном случае может иметь место как прямой, так и косвенный умысел, а по мнению отдельных ученых, и преступная неосторожность. Так, В. С. Прохоров допускает неосторожную форму вины в тех случаях, «когда умышленные, согласованные с другими соучастниками преступные деяния исполнителя вызывают наступление непредвиденных последствий, указанных в статьях Особенной части УК в качестве квалифицирующих обстоятельств». В. С. Прохоров ведет речь о составах преступлений с двумя формами вины¹⁵¹. Следует отметить, что большинство отечественных ученых эту точку зрения не разделяют. Так, Е. Сухарев и А. Куликов по этому поводу заявляли, что неосторожный производный (дополнительный) результат не может быть признан результатом соучастия¹⁵². Некоторые авторы полагают, что вменение подобного рода обстоятельств — это объективное вменение¹⁵³.

Вменение неосторожного результата в вину конкретного соучастника (организатора, подстрекателя или пособника) с точки зрения рассмотренных выше положений и с точки зрения доктрины отечественного права представляется малообоснованным. Данная позиция объясняется тем, что законодательное определение соучастия исключает как неосторожное участие, так и уча-

¹⁵⁰ Архив Санкт-Петербургского городского суда. Уголовное дело № 2-24096.

¹⁵¹ Прохоров В. С. Соучастие в преступлении // Курс советского уголовного права / под ред. Н. А. Беляева, М. Д. Шаргородского. Т. 1. С. 596—599. См. также: Шаргородский М. Д. Вопросы Общей части уголовного права. Л., 1955. С. 143; Кудрявцев В. Н., Кузнецова Н. Ф. Квалификация соучастия в преступлении // Советская юстиция. 1962. № 19. С. 15.

¹⁵² Сухарев Е., Куликов А. Соучастие в преступлениях с двойной формой вины // Советская юстиция. 1991. № 20. С. 2.

¹⁵³ Тельнов П. Ф. Указ. соч. С. 55.

ствие в неосторожном преступлении, а преступления с двумя формами вины есть не что иное, как учтенная законом идеальная совокупность умышленного и неосторожного преступления, которая выполняет исключительно технические функции (например, для определения категории преступления или при назначении наказания, или при освобождении от уголовной ответственности и наказания), в том числе и в части признания таких преступлений в целом совершенными умышленно.

Представляется, что при решении подобного вопроса необходимо исходить из традиционного в уголовном праве деления соучастия на виды.

В том случае когда имеет место соучастие с юридическим распределением ролей, совершение исполнителем преступления с двумя формами вины в части причинения неосторожного результата нужно рассматривать как эксцесс исполнителя (ст. 36 УК РФ)¹⁵⁴. То есть исполнитель должен нести уголовную ответственность за наступившие в результате его умышленного деяния неосторожные последствия. Другие соучастники подлежат ответственности в пределах состоявшегося сговора. В дополнение к этому можно лишь добавить, что вполне вероятен и эксцесс других соучастников.

В том случае когда имеет место соисполнительство и наступивший по неосторожности преступный результат является совокупным продуктом умышленного деяния соисполнителей, содеянное необходимо оценивать как неосторожное сопричинение. Изложенное говорит в пользу необходимости дальнейшей последовательной теоретической разработки понятия неосторожного сопричинения как одной из форм совместного преступного деяния. Кроме того, на законодательном уровне целесообразно было бы закрепить положение, согласно которому к неосторожному сопричинению относились бы случаи причинения тяжких последствий, предусмотренных в норме Особенной части УК РФ как квалифицирующие или особо квалифицирующие обстоятельства умышленного преступления, которые не охватывались умыслом виновных и отношение к которым является неосторожным. Неосторожное причинение таких последствий должно квалифицироваться самостоятельно при оценке деяния каждого из участников совершенного преступления¹⁵⁵.

¹⁵⁴ Об этом см., напр.: Горбуза А. Д. Смешанная форма вины по советскому уголовному праву : дис. ... канд. юрид. наук. М., 1972. С. 181—182 ; Курс советского уголовного права / под ред. А. А. Пионтковского, П. С. Ромашкина, В. М. Чхиквадзе. Т. 2. С. 484—485.

¹⁵⁵ Это обстоятельство предлагает учитывать и А. И. Парог (Парог А. И. От-

Что касается мотивов и целей в совместно совершаемом преступлении, то здесь необходимо отметить следующее. Сущность и значение мотива совершения такого преступления ничем не отличаются от тех, что свойственны единолично совершенному преступлению, — у каждого из участников деяния свой мотив поведения, он может совпадать с мотивами другого участника либо не совпадать. Примером, подтверждающим данный тезис, может послужить уголовное дело, рассмотренное Санкт-Петербургским городским судом. Преступление было совершено при следующих обстоятельствах.

У А., имеющей малолетнюю дочь и проживающей в квартире своей матери К., сложились неприязненные отношения с последней. После совместного с К. распития спиртных напитков, дождавшись, когда она ушла спать к себе в комнату, А. начала жаловаться находящемуся здесь же Г. на свою мать, обвиняя ее в злоупотреблении спиртными напитками и необоснованных придирках, вызвав тем самым жалость у Г., также находящегося в состоянии алкогольного опьянения. В результате попросила Г. совершить убийство К., сказав, что иного выхода из сложившейся ситуации она не видит, и добавила, что все равно никто не узнает. Получив от Г. согласие на совершение преступления, А. также одобрила и способ, избранный виновным, — удушение, так как Г. не выносил вида крови¹⁵⁶.

С позиций психологии совместность проявляется в групповых формах организации деятельности людей. Эти формы организации деятельности меняют смысл и основания оценки людьми друг друга. В условиях совместной организации деятельности взаимоотношения определяются общей целью деятельности, вкладом каждого участника в ее реализацию. Поэтому практически все исследователи отмечают, что совместность деятельности возможна лишь при наличии единой для ее участников цели. А поскольку там, где есть совместная деятельность, всегда есть группа, постольку цель является необходимой характеристикой совместной деятельности. Без единства цели и ее осмысления каждым участником деяния невозможна совместная деятельность. Но это единство цели и ее личностное осмысление каждым участником деяния являются уже результатом единства людей в совместном деянии. Традиционно признается, что мотивы и цели участников могут быть различными. И если с мотивами в этом плане можно согласиться, то с целями все обстоит несколько

ветственность за неосторожное сопричинение // Уголовное право в XXI веке : материалы Международной научной конференции, состоявшейся на юридическом факультете МГУ им. М. В. Ломоносова 31 мая — 1 июня 2001 г. М., 2002. С. 70).

¹⁵⁶ Архив Санкт-Петербургского городского суда. Уголовное дело № 2-63/96.

иначе. При соучастии в направлении желаемого последствия всегда есть общий результат как общая цель соучастников; применительно к таким случаям у всех соучастников имеется одна цель, и она различной быть не может. При неосторожном сопричинении преступная цель как конкретизированная потребность отсутствует вообще.

Завершая рассмотрение субъективных свойств совместности, их общую специфику можно определить на основе следующих моментов. Это: а) наличие определенной цели, достижение которой требует объединения усилий нескольких лиц; б) довольно жесткая регламентация условиями, в которых совершается совместное деяние, со всеми вытекающими отсюда последствиями; в) результат совместного деяния может быть как проявлением осознанных субъективных намерений (что характерно для умышленных преступлений), так и неосознаваемым либо частично осознаваемым следствием совместного участия в сложных видах коллективной деятельности (что характерно для неосторожных преступлений).

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Резюмируя результаты анализа поставленных в работе проблем, можно сделать некоторые обобщенные выводы.

1. Раскрытие сущности соучастия через совместность деяния дает возможность познания закономерностей причинения вреда общественным отношениям в результате объединения усилий несколькими лицами и создает необходимые предпосылки для использования этих закономерностей в борьбе с групповой и неосторожной преступностью применением наказания и иных мер воздействия.

2. Совместность как сущность совместного преступного деяния в сравнении с основополагающими признаками, определяющими ее как уголовно-правовое явление, может быть охарактеризована следующим образом. Во-первых, в сущности совместного преступного деяния представлена его основная черта, которая, будучи взята отдельно, дает нам целостную картину данного уголовно-правового явления. Во-вторых, именно совместность деяния видоизменяет общественную опасность посягательства в рамках конкретного состава преступления. Совместность показывает, каким образом общественная опасность зависит от особенностей взаимосвязи между участниками деяния, отражающей специфику совместных усилий при посягательстве на охраняемые интересы. В-третьих, именно совместность как сущность соучастия более

устойчива к воздействию внешних факторов, определяющих уголовно-правовую политику государства, чем все иные его характеристики. Совместность представляет целостную систему взаимодействующих друг друга интеллектуально-физических деяний участников общественно опасного посягательства.

3. Совместность имеет собственные характеристики, определяющие ее содержание. Содержание находит свое проявление в объективных и субъективных признаках, различное сочетание которых позволяет классифицировать факты совместного совершения преступления и которые в своей совокупности образуют его содержание. Объективные признаки совместности проявляются, во-первых, во множестве участников посягательства; во-вторых, в специфике и взаимосвязанности их действий; в-третьих, в едином объективном результате действий участников; в-четвертых, в причинной связи между действиями нескольких участников и результатом. Субъективные признаки совместности деяния проявляются, во-первых, в особом характере вины соучастников, во-вторых, в специфике иных признаков субъективной стороны выполняемого состава преступления.

4. Множественность участников посягательства предполагает наличие, во-первых, количественной составляющей — ее суть состоит в определении минимального численного состава участников совместного общественно опасного деяния; во-вторых, качественной составляющей — она заключается в соответствии всех участников посягательства определенным признакам — признакам субъекта преступления.

5. Взаимодействие при совершении преступления подразумевает такую ситуацию, когда деяние одного участника посягательства в конкретной обстановке является необходимым составным элементом выполнения преступления другим участником. Невыполнение действий одним из участников в конкретной обстановке либо делает невозможным совершение преступления, либо существенным образом затрудняет его совершение. Взаимодействие, исходя из вышеизложенного, представляет собой систему актов коллективного поведения лиц — участников посягательства, направленных на достижение определенного результата совокупными усилиями. Взаимодействие в совместном совершении преступления имеет своим условием наличие двух основных составляющих. Первая включает объединение индивидуальных действий участников посягательства — интеграцию. В результате такого объединения эта совокупность приобретает новое качество, становясь единой «производительной» силой, которая существенно отличается от образующих ее отдельных деяний. Вто-

рая составляющая предполагает дифференциацию индивидуальных деяний участников единого общественно опасного посягательства, их специализацию и структурную иерархизацию, так как именно данные обстоятельства делают возможным достижение цели совместного поведения. Ведущую роль играет именно объединение индивидуальных деяний, поскольку без него было бы невозможно существование совместности общественно опасного деяния. Взаимодействие соучастников включает в себя несколько элементов: во-первых, конкретные действия (бездействие) отдельных участников общественно опасного посягательства, во-вторых, кооперативную форму поведения участников, благодаря чему каждый из них выполняет свои конкретные действия (бездействие) в общем для всех участников деянии.

6. Специфика взаимодействия соучастников определяется характером и степенью участия в преступлении (особенностями выполнения функций в конкретном деянии и интенсивностью взаимодействия). Взаимодействие находит проявление в следующих моментах. Во-первых, либо в конечном результате деяния — общественно опасных последствиях. В этом случае индивидуальные действия (бездействие) осуществляются параллельно и не зависят, как правило, от последовательности деяний виновных, однако приводят к единому преступному результату. Во-вторых, либо в самом процессе совершения деяния — выполнении объективной стороны конкретного состава преступления. В этом случае индивидуальные действия (бездействие) каждого из участников взаимообусловлены. Такая взаимообусловленность деяний выражается в их специализации и иерархизации, поскольку они должны выполняться или одновременно как функционально различные компоненты единого общего деяния, или в строгой последовательности, когда последствие одного деяния служит условием начала реализации другого.

7. Общий преступный результат определяется совместным деянием, обеспеченным конкретными средствами — взаимосвязанными действиями или бездействием соучастников посягательства. Своеобразие причиняющих преступный результат совокупных действий виновных состоит в том, что отдельные соучастники деяния могут выполнять в преступлении различные функции, однако при этом совершенное деяние признается общим для них всех, поскольку каждый из них внес свой вклад в это деяние, взаимодействуя с другими лицами. Поэтому последствие, которое наступает в результате совместно совершенного деяния, независимо от той роли, которую отдельные соучастники выполнили в преступлении, для каждого из них является единым.

8. Общий преступный результат представляет собой последствие реального взаимодействия: во-первых, нескольких лиц; во-вторых, реальных способов осуществления деятельности; в-третьих, орудий и средств, при помощи которых эта деятельность осуществлялась. Общий преступный результат выступает в качестве своеобразного показателя эффективности взаимодействия лиц, совместно совершающих преступление. Эффективность взаимодействия — это отношение достигнутого преступного результата к максимально достижимому или заранее запланированному участниками результату. Эффективность, как представляется, имеет два критерия ее оценки: а) количественный — «продуктивность» деяния, которая выражается в объективных изменениях, произошедших вследствие совершения преступления совместными усилиями; б) качественный — «удовлетворенность» деянием, понимаемая как психическое состояние, вызванное соотношением между определенными целями участников совместного посягательства и их фактическим осуществлением.

9. Преступный результат выступает в качестве последствия взаимодействия нескольких лиц, участвующих в совершении преступления. Последствие взаимодействия может складываться из двух этапов: первоначального последствия взаимодействия — сговора на совершение преступления; производного последствия взаимодействия — совершения преступления.

10. Правильное понимание причинности предполагает установление типа зависимости: а) между деянием исполнителя (исполнителей) и преступным результатом; б) между деяниями иных участников и между их деяниями и деянием исполнителя (исполнителей) преступления; в) между деяниями иных участников и преступным результатом, вызванным деянием исполнителя (исполнителей) преступления. Вопреки мнению некоторых авторов, указывающих на зависимость постановки вопроса о причинной связи от внешней формы совместности деяния (все участники выполняют объективную сторону конкретного состава преступления или имеет место юридическое распределение ролей), нужно отметить, что в этой ситуации как раз никаких существенных особенностей нет.

11. Под общностью вины соучастников необходимо понимать наличие определенной внутренней (психической) связи между ними и совершаемым деянием, которая и определяет субъективные свойства совместности. К основным ее характеристикам можно отнести следующие: 1) осознание общественно опасного (или предосудительного) характера собственных действий; 2) осознание факта поведения других участников; 3) осознание

факта взаимодействия при подготовке или совершении преступления; 4) предвидение наступления общего преступного результата; 5) желание либо сознательное допущение его наступления.

12. Понятие общности вины далеко не тождественно понятию единства вины. Очевидно, что сходство направления волевого поведения имеет место там, где каждая его составляющая направляется на отдельное, хотя и однородное деяние, а там, где волевое поведение многих направлено на одно деяние и притом выполненное их общими усилиями, там проявляется не его сходство, а его общность. Общая деятельность придает каждому единичному волевому акту своеобразную окраску, единичные волевые акты, сохраняя индивидуальные особенности, становятся общей виной, являются отличной от единичного волевого поведения отдельных лиц общей волей в виде реальной силы, которая и причиняет вред соответствующим общественным отношениям. Общая вина, таким образом, создает и общую ответственность.

13. Субъективная связь между соучастниками, в общих чертах, представляет собой: а) индивидуальное осознание общественной опасности или предосудительности собственного деяния; б) осознание общественной опасности деяния других участников, а также факта их объединенной деятельности.

14. Общность вины, а следовательно, совместность деяния, вполне возможна и в неосторожных преступлениях. Это положение применительно к совместному преступному деянию может быть подтверждено соображениями следующего характера. Во-первых, психологически поведенческий акт при неосторожной форме вины практически ничем не отличается от действий при умышленной форме вины. Имеющиеся различия носят в большей степени не психологический, а исключительно формально-нормативный характер. Во-вторых, анализ совместной деятельности с точки зрения целеполагания как раз и позволяет более конкретно и полно понять источники неожиданных, не известных ранее ее дополнительных результатов. Это содержание может быть осознано путем сопоставления тех знаний, с которыми совместно действующие лица приходят к результату совершаемого деяния, с теми знаниями, с которыми они начали это деяние реализовывать. Своеобразие содержания неосторожной вины в совместном деянии заключается в том, что она устанавливается только в связи с наступлением конкретного преступного результата и всегда в ретроспективе. Для ее уяснения требуется определить два уровня обстоятельств: во-первых, наличие показателей неосторожной формы вины каждого из причинителей преступного результата, предусмотренных ст. 26 УК РФ; во-вторых, нали-

чие осознания совместности деяния, приведшего к наступлению общего для всех участников преступного последствия.

ЛИТЕРАТУРА

1. Арутюнов, А. А. Соучастие в преступлении / А. А. Арутюнов. — Москва : Статут, 2013. — 408 с.
2. Бурчак, Ф. Г. Учение о соучастии по советскому уголовному праву / Ф. Г. Бурчак. — Киев : Наукова думка, 1969. — 216 с.
3. Галиакбаров, Р. Р. Квалификация многосубъектных преступлений без признаков соучастия / Р. Р. Галиакбаров. — Хабаровск : Изд-во Хабар. ВШ МВД СССР, 1987. — 96 с.
4. Иванов, Н. Г. Понятие и формы соучастия в советском уголовном праве: онтологический аспект / Н. Г. Иванов. — Саратов : Изд-во Сарат. гос. ун-та, 1991. — 128 с.
5. Ковалев, М. И. Соучастие в преступлении / М. И. Ковалев. — Екатеринбург : Изд-во УрГЮА, 1999. — 204 с.
6. Козлов, А. П. Соучастие : традиции и реальность / А. П. Козлов. — Санкт-Петербург : Юридический центр Пресс, 2001. — 362 с.
7. Морозов, В. И. Уголовно-правовое регулирование прикосновенности к преступлению / В. И. Морозов, А. В. Зарубин. — Тюмень, 2005. — 88 с.
8. Тельнов, П. Ф. Ответственность за соучастие в преступлении / П. Ф. Тельнов. — Москва : Юридическая литература, 1974. — 208 с.

ОГЛАВЛЕНИЕ

<i>ВВЕДЕНИЕ</i>	3
1. ПОНЯТИЕ И СУЩНОСТЬ СОУЧАСТИЯ В ПРЕСТУПЛЕНИИ.....	4
2. ОБЪЕКТИВНЫЕ ПРИЗНАКИ СОУЧАСТИЯ В ПРЕСТУПЛЕНИИ.....	18
§ 1. Множественность участников преступления.....	—
§ 2. Взаимодействие при совершении преступления.....	26
§ 3. Общий преступный результат.....	31
§ 4. Причинная связь при соучастии.....	36
3. СУБЪЕКТИВНЫЕ ПРИЗНАКИ СОУЧАСТИЯ В ПРЕСТУПЛЕНИИ.....	47
<i>ЗАКЛЮЧЕНИЕ</i>	80
<i>ЛИТЕРАТУРА</i>	85

Учебное издание

Дмитрий Анатольевич БЕЗБОРОДОВ,
кандидат юридических наук, доцент

СОУЧАСТИЕ В ПРЕСТУПЛЕНИИ:
ПОНЯТИЕ, ПРИЗНАКИ
И ЮРИДИЧЕСКАЯ ПРИРОДА

Учебное пособие

Редактор *Н. Я. Ёлкина*
Компьютерная верстка *О. А. Хропиной*

Подписано в печать 00.08.2014 г. Бум. тип. № 1.
Гарнитура “Times New Roman Cyr”. Печ. л. 5,5.
Уч.-изд. л. 5,75. Тираж 500 экз. (1-й завод 1—130). Заказ 2175.

Редакционно-издательская лаборатория
Санкт-Петербургского юридического института (филиала)
Академии Генеральной прокуратуры РФ

Отпечатано в Санкт-Петербургском юридическом институте (филиале)
Академии Генеральной прокуратуры РФ
191104, Санкт-Петербург, Литейный пр., 44